

Я - танкист

Автор:

Владимир Поселягин

Я – танкист

Владимир Геннадьевич Поселягин

Военная фантастика

Переход закинул Анатолия Суворова совсем не туда, куда он хотел, но это та же Вторая мировая. Новый мир, другая реальность – и снова приграничные районы Белоруссии и сорок первый год. Впрочем, главное – не отступить. Диверсантам и предателям не будет пощады! Надо заново строить планы и исправлять чужие ошибки. Изрядным подспорьем оказывается брошенная на дорогах войны техника, своя и чужая, а также потерянные в отступлении люди. Не важно, что это другая история, главное – Анатолий выжил и не позволит этой стране проиграть!

Владимир Поселягин

Я – танкист

© Владимир Поселягин, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Пролог

Вячеслав Суворов стоял на понтоне и смотрел на уже стихшую поверхность болота. Несколько месяцев назад было решено, что все оставшиеся попаданцы в этом мире вернутся обратно, все, кроме Вячеслава. У кого-то дела были, у кого-то планы, но уходили шестеро из семи. Тот же Толик Суворов, по случайности однофамилец Вячеслава, у них даже отчества совпадали, собирался вскоре вернуться, он хотел лишь проведать свою бабушку, единственного родного человека. Как выяснилось, портал срабатывает только в присутствии всех семерых рядом с ним, а когда отец, дяди и друзья погрузились под его взглядом под воду, то случилось нечто непонятное. Вдруг от портала пошла метровой высоты волна во все стороны, раскачав понтоны и лодки. Вячеслав смотрел на болото и ещё не знал, что он никогда больше не увидит своего отца, дядь и друзей. Переход был односторонним – и возвращения не будет.

* * *

Откашливаясь от попавшей в горло и нос воды с вкраплениями тины, я вынырнул на поверхность болота и закачался на крупной волне. Странно, не припомню, чтобы при прошлом переходе она была. Я поднял на лоб очки и удивлённо осмотрелся, продолжая содрогаться в приступах кашля, но уже остаточного. Мелкие волны ещё покачивали меня, но скоро прекратились, болото не чистая вода, тут долгого волнения не бывает, значит, его появление связано со мной. Осмотр меня изрядно удивил, переход явно произошёл, однако я не вернулся в свой родной мир, в болота Брянщины. Вернее, я находился в приграничных районах Белоруссии, но не в своём родном мире, это и удивляло. Вокруг расстилался фактически тот же пейзаж, который я видел несколько минут назад, но без платформы с учёными Союза, да и вообще вокруг была пустынная местность. Болото. То есть местность, как в сорок седьмом году, но явно без всего того, что я видел. Странно. Хотя нет, пейзаж больше напоминал сорок четвёртый, когда мы сюда перешли с семьёй Суворовых, вид тот же, но к сорок седьмому, после жарких боёв, на опушке была прореха от упавшего самолёта, а сейчас её не было. Только одна эта примета давала понять, что что-то пошло не так. Но вот что?

Правда, до конца обдумать, что произошло, я не успел. В это время в небе зажужжали авиационные моторы. Подняв голову, я задумчиво посмотрел на тройку «ишачков». Мне эти машины были очень хорошо знакомы, не раз видел

их в деле. Хорошие аппараты, как мой знаменитый однофамилец, трижды герой Советского Союза Вячеслав Суворов, не раз говорил. В умелых и опытных руках эти машины могли неприятно удивить немцев. Очень уж они верткие. Чуть ли не на месте могли развернуться в обратном направлении, «мессерам» такое и не снилось.

Когда «ишачки» удалились, я добрался до ближайшей кочки и задумался. Ситуация мне не нравилась, я не дома, но и не в своём родном мире. Соответственно, это третий мир. Причём что странно, после того как я тут появился, надо мной пролетело звено истребителей. Совсем как в описании Севы про то, как он попал в сорок первый. Самолеты, лес целый, платформы учёных нет – странное совпадение, не так ли?

Поджав ноги, я дотянулся до правой стопы и, нащупав ремень, отстегнул его и вытащил из-под воды ремешок вместе с обрезком верёвки. Эта приспособа была из моего родного мира. Родственники Севы, готовясь к переходу, подумали о том, как будут возвращаться, учитывая и то, что это, возможно, произойдёт не с пустыми руками. То есть к моей ноге, как и у других путешественников по мирам, была привязана верёвка, к ней – мешок с нулевой плавучестью, чтобы его притопило. После перехода на мешке должен был сработать баллон со сжатым воздухом, надулись бы шары, и мешок должен был всплыть рядом со мной. Но при переходе верёвку обрезало в двадцати сантиметрах от моей пятки. Я даже поёжился, представив, что мне могло срезать ноги. Сам мешок затерялся, как и другие путешественники. Я был один в этом неизвестном мне мире, да ещё совершенно пустой. Не считать же имуществом гидрокостюм аквалангиста, причём без ласт, пояс с грузом и очки? На поясе был нож, моя единственная ценность, на этом всё, больше при мне имущества не было. Всё оно находилось в том мешке, что пропал. Фал был всего двух метров длиной, но этого хватило неизвестному режиссёру, чтобы срезать ценный груз. Такой же баллон был у меня на поясе, однако сработать он не успел, меня раньше выкинуло на поверхность, это тоже странно.

Погоревав о мешке – часть груза, примерно треть, принадлежала мне, остальное Суворовым, – я оттолкнулся от кочки и на пузе скользнул к месту, где вынырнул. С десятков попыток показали, что переход не работает, да и другие не вынырнули. Неудача. Поэтому, не став медлить, оттолкнулся от коряги и скользнул к кочке, потом к следующей. От неё в сторону метнулась болотная гадюка, но я успел ее перехватить и, срубив голову, быстро освежевал. И чего Сева их так боялся, мясо как мясо, очень вкусное. Лес виднелся метрах в

двухстах пятидесяти, доберусь, будет что поесть. Нужно сразу озаботиться пропитанием, голодный солдат – плохой солдат, хоть и злой.

Помню, Сева говорил, что добирался до леса несколько часов, чуть не весь световой день. Я тогда удивился, вроде расстояние было небольшим, почему же так долго? Сейчас понял, почему. Три раза попадалась непроходимая топь, думаю, это была одна и та же, просто косо́й пересекала мне путь. Но наконец, я её обошёл и, добравшись до берега, выбрался на сушу. Восемь не восемь, но пять с половиной часов на преодоление болота у меня ушло. Тоже немало, поверьте мне.

Я сел на кочку передохнуть и стал задумчиво обозревать болото, прикидывая, оставить гидрокостюм тут или идти в нём. Ходить по лесу в резиновом обтягивающем костюме, который стесняет движения, на мой взгляд, опрометчиво. Однако под ним у меня ничего не было, даже нательного белья, а ходить нагишом по лесу совсем плохая идея, так что выбора не остаётся, походим в том, что есть. Вот змеи не осталось, по пути через болото я немного поел сырого мяса, остальное выкинул, нужно держать себя в форме. В детстве у бабушки в деревне сосед-егерь учил меня ходить по лесу, выживать в нём, а также добывать еду. Сырое мясо он также приучил меня есть, объясняя, какое можно, а какое не стоит, ну и какие пропорции. Именно поэтому я и не съел всю змею, лишнее тоже плохо.

Утопив баллоны с воздухом, лишний груз мне ни к чему, я вернулся на берег, сел на охапку срезанной травы и снова задумчиво посмотрел на стоявшее в зените солнце. До наступления темноты часа четыре, время ещё есть. Если я попал в сорок первый, а возможно, оно так и есть, то стоит удалиться от берега и поискать поляну. Если мои догадки верны, то там утром должны появиться два поляка с лошадей и телегой. Если это так, то потом станет ясно, что делать дальше, а пока всё неопределённо.

Честно говоря, ситуация, в которую я попал, не сказать, что мне понравилась. Я ещё пока не определился с тем, как реагировать на то, что случилось, но сожаление было. Я с сожалением вспоминал о других путешественниках, как они там, но главное, о своём единственном близком человеке – о бабушке. Именно из-за неё я решил ненадолго вернуться в родной мир, чтобы уже навсегда попрощаться с ней. Мир Советского Союза мне нравился, поэтому я собирался туда вернуться. Меня в нём всё устраивало, и я хотел помочь

государству встать на мирные рельсы. Да, я являюсь не гражданским специалистом, а скорее военным, работаю в Кубинке инспектором, штатный специалист в одном секретном КБ, и дополнительно учусь на инженера-конструктора, уже на третий курс перешёл заочного обучения. Специализация та же – танки. Именно поэтому эта ситуация меня и расстраивала: и с бабушкой не повиделся, и потерял мир, где я занял хорошее место и был на хорошем счету у главы государства, мне не раз приходилось встречаться с товарищем Сталиным как эксперту по современной бронетехнике. В общем, со всех сторон печаль. Считаю, даже двухкомнатную комфортабельную квартиру, полученную в центре города, потерял. Она мне очень нравилась, и хотя своего личного транспортного средства у меня не было – не считать же велосипед, купленный на зарплату, и служебную машину, – мне там всё равно жутко нравилось. Для деревенских, а я всё же больше деревенский, хотя и жил с родителями до их гибели в Брянске, жить в Союзе как-то проще, чем попаданцам-горожанам. Мы более неприхотливы и не такие взыскательные.

– Ладно, – сплюнул я и встал на ноги. – Непонятно пока всё. Если с поляками подтвердится, буду думать, что делать дальше. А пока ситуация не разъяснится, планы строить не буду. Смысла не вижу.

Машинально отмахиваясь от мошкары, я отошел от берега, достал из ножен клинок, осмотрел его – отличная сталь – и, вернув на место, побежал вглубь леса. Естественно, пройти точно по следам, по которым шёл Сева, я не смогу, да и вообще, если это сорок первый, встретимся ли мы? Или этот квест для одного? Если так, то, похоже, выбираться придется самому и полагаться будет не на кого. Хотя бы первоначально, после можно сколотить крепкую команду из окруженцев.

Думаю, мне повезло, я нашёл тропинку. Звериную, вроде той, что описывал Сева. Заметил я её случайно. Она вывела меня на поляну со скошенной травой, собранной в стога. Да, похоже, мои догадки подтверждаются, слишком много совпадений.

Ночевать в стогу я не стал, отбрехаться от поляков, как это сделал Сева, мне вряд ли удастся, так что сделал себе лёжку на опушке в кустах шиповника, натаскав сена от одного из стогов. Причём так, чтобы не оставить следов. Ходить босиком было не совсем удобно, но ничего, я привычный. То, что я укрылся на опушке, и помогло мне остаться незамеченным.

Утром, когда уже рассвело, меня разбудило конское ржание. Быстро открыв глаза, я выглянул из-под куста и задумчиво осмотрел гостей. Теперь всё полностью подтвердилось: два поляка, описание во внешности и в одежде совпадает с тем, что дал Сева, даже телега была описана правильно. Вот только оружия у поляков не было, они совершенно спокойно работали вилами, загружая телегу. Думаю, оружие как раз внутри.

Теперь, когда появились вещественные доказательства, не сомневаясь ни на секунду, скользнул по опушке в сторону. Кстати, поляки Севу из стога так и не вытащили, из чего я логично заключил, что квест для меня одного. Стало ясно, что моего знаменитого однофамильца тут не было. Что ж, теперь у меня есть шанс стать не менее знаменитым. Нужно это обдумать, но позже, когда будет свободное время, сейчас у меня другая задача. В отличие от Севы, я особо не сомневался и действовал уверенно и наверняка. Поэтому быстро стряхнув с себя всякий мусор и жучков – спать в гидрокостюме на земле, хотя и подстелил по себя сено, не совсем приятно, даже не почешешься, – и покинул место ночёвки. Мне нужно обойти поляну так, чтобы приблизиться к телеге, оставаясь незамеченным поляками. Сейчас они работали с той стороны опушки, где я провёл ночь. Кстати, искусали меня не так уж сильно, перед тем как лечь спать, я обтёр кисти рук, стопы и лицо с шеей одной травкой. Так что ночь, можно сказать, прошла спокойно, никто меня из ползающей и кусающей братии не домогался. Так, по мелочи.

Добраться до телеги незамеченным труда мне не составило. Негромко переговариваясь, поляки так увлеклись работой, что очнулись, когда щёлкнул затвор берданки. Может, в телеге ещё что было из огнестрельного оружия, но мне, к сожалению, попало только это, так что, проверив патрон в патроннике, я и пошумел, отчего поляки вздрогнули и замерли. Мой первый вопрос был наудачу:

– Янек всё так же ходит в форме командира Красной Армии?

Местные обернулись и выпученными глазами уставились на чудо-юдо, наставившее на них их же оружие. Думаю, гидрокостюмов те никогда не видели, хотя на мне был стандартный. Чёрный, с открытыми стопами и рукавами до кистей.

– Почему молчим, почему не отвечаем? – поинтересовался я.

Отслеживая все движения поляков, я не забывал также контролировать округу. Конечно, я всё знал из рассказов Сева, но мало ли что не так сложится. Небольшое сомнение у меня всё же было, вот я и старался развеять его этим неожиданным уточняющим вопросом. Если подтвердится, то я точно в сорок первом занял место Сева, и у меня есть шанс на новую жизнь. Тем более у меня, в отличие от Сева, были нужные знания и умения. Он-то сюда без особой подготовки попал, а вот я волей-неволей подготовился. Общался-то в основном с фронтовиками, а те меня за своего принимали, всё же в боевых действиях обоих миров мне приходилось участвовать. То есть фронтовики ничего не скрывали и охотно отвечали на уточняющие вопросы, так что я был в теме. Да и за тот рейд по тылам немцев меня наградили, так что было, что носить на френче. Всё же я был военным служащим, ходил в форме. Правда, погоны старлея не перерос, хотя через год мог получить и звёздочки капитана. Да, я был офицером. При первом награждении в Кремле получил звание младшего лейтенанта, остальное получил за работу. Между прочим, старлея и второй орден Красной Звезды я получил за неоценимую помощь в создании прототипа Т-55. Мы его ещё в конце сорок пятого выпустили, потом испытывали на полигоне в Кубинке. Тогда-то меня и наградили, да и квартиру я получил. Уже в сорок шестом эти машины небольшими партиями начали поступать в войска и сразу произвели фурор своей мощностью. Конечно, можно было попробовать изготовить и другую технику, однако заводы из Германии только начали поступать и монтироваться, и на тех станках, что у нас пока что были, ничего лучше нам было не построить. Я как раз в КБ помогал с созданием Т-62, когда и было решено вернуться в наш мир. Я тогда настоял на своём участии – пока жил эти три с половиной года в новом для себя мире, то никак не мог забыть бабушку. А тут так получилось, что при переходе попал в третий мир, и передо мной открылась своя дорога. Сева смог ею воспользоваться в полной мере, теперь мой шанс на личный квест, и я не хотел бы его лишиться. Именно поэтому и поглядывал по сторонам, чтобы меня не застали врасплох, как я этих поляков.

М-да, что-то я отвлёкся, хотя ситуация к этому не располагала. Направив ствол на молодого поляка, я повторил свой вопрос, на этот раз уже злым голосом – не нравилось, что мне не отвечают:

– Так что, Янек всё ещё ходит в форме лейтенанта Красной Армии?

– Ну, ходит, – нехотя ответил молодой.

– Отлично, – я невольно улыбнулся. – Значит, так, быстро раздеваемся. Оба. Исподнее тоже снять. Быстрее, меня там бабушка ждет, а я тут с вами вошкаюсь... Ну!

Поляки как подорванные стали раздеваться, кидая одежду в одну общую кучу. Не знаю, что их так сподвигло, то ли мой злой вид, то ли оружие, то ли упоминание бабушки. Кстати, когда я её вспоминаю, почему-то всегда стоящую на крыльце и печально смотрящую на меня, и такая злость накатывает, что я, возможно, её больше не увижу, что контролирую себя еле-еле. Видимо, поляки это прочувствовали, вот и торопились. С сапогами вышла небольшая заминка – плотно сидели, но и те они сняли. Кстати, если возникнет необходимость, нужно вспоминать о бабашке, чтобы довести себя до кондиции. Злость в нужное время неплохой помощник.

Как только оба поляка замерли, прикрывая руками пах, я задал ещё один вопрос:

– Сегодня какая дата?

– Двадцать первое, – мрачно буркнул молодой. Тот, что с бородой, продолжал молчать, лишь с некоторой злостью и ненавистью поглядывал на меня.

– Суббота, двадцать первое июня сорок первого года, я полагаю? – И после того, как молодой кивнул, добавил: – М-да, ладно, будем играть.

Приклад винтовки сильно толкнул меня в плечо, и бородатый, машинально схватившись за грудь – попадание было точно в сердце, – стал заваливаться на спину. Молодой на секунду замер в ошеломлении. Правда, он быстро пришёл в себя и кинулся было ко мне, но поздно, я-то как раз не медлил, рванул к молодому и разбил ему прикладом лицо. Можно было отшвырнуть оружие в сторону, всё равно перезарядить мне было нечем, да и не успел бы я, до поляков было метров шесть. А вот сейчас, когда второй поляк, схватившись за пострадавшее место, упал на спину, я аккуратно положил винтовку на траву, достал клинок и ударил его под рёбра прямо в сердце. Хватило одного удара. Выдернув клинок, я быстро осмотрелся и довольно кивнул. Пока всё шло так, как я и спланировал. Сейчас у меня в планах переодеться, изменить внешний вид под аборигена и двинуть к хутору. Можно, конечно, туда и не заезжать, но зная, что на хуторе явно ячейка местного сопротивления, что сотрудничает с

немцами, я считал необходимым её обезглавить. Я был в курсе, что старшим на хуторе был агент в одеяниях священнослужителя. Вот его мне и стоит убрать. С остальными как получится, со слов Севы, остальные были простыми боевиками.

Быстро воткнув клинок в землю, чтобы стереть кровь, я дополнительно протёр его пучком высохшей травы, после чего вернул в ножны. Первым делом проверил тела. Оба трупы. Осмотрел телегу, сбрасывая излишки сена. Телегу вместе с меринком я решил прибрать, не пешком же путешествовать, если мне неплохое транспортное средство досталось, поэтому и проводил ревизию. К сожалению, огнестрельное оружие было только одно – берданка, причём в относительно неплохом состоянии, вот патронов к ней всего шесть штук. После перезарядки осталось пять. Между прочим, патроны были снаряжены бездымным порохом, хотя я слышал, что как раз у берданок использовался дымный. Или я ошибаюсь? Вроде нет.

В телеге нашлось два пояса. На одном были подсумки с боеприпасом, спичками и другими нужными вещами. На обоих ножны с клинками. Один неплохой, другой так себе. Лезвие не из самого хорошего металла, если не заботиться о ноже, быстро ржавчиной покроется, дрянной металл, с раковинами. Теперь понятно, почему оба поляка были не опоясаны, сняли их перед работой. Ещё в телеге было два узелка с пищей, но я оставил еду на потом, нужно уходить с поляны, по пути к хутору и поем. Куда ехать, сомнений не было, на поляну выходила одна-единственная дорога. Было ещё несколько тропинок, но на телеге мне там не проехать. Проще по дороге, пока тут обо мне не знают, нужно этим воспользоваться.

Повесив берданку на плечо, я подхватил ближайшее тело и волоком потащил его к опушке, решив замаскировать в кустарнике, где провёл ночь. Оба поляка были выше меня, куда тяжелее, но у меня широкие плечи и достаточно сил, чтобы утащить по очереди обоих. Спрятав тела, я скинул комбез и вместе с поясом утопил в глубоком бочажке неподалеку от поляны. Тут вообще была достаточно болотистая местность. Только после этого я, с удовольствием почесавшись в ранее недоступных местах, окунулся в воде того же бочажка и побежал обратно.

Голышом, ёжась от утренней прохлады, бегом вернулся на поляну и замер у кучи одежды. Я отобрал из двух комплектов более чистую рубаху и штаны и быстро оделся, лишь исподнее не трогал, его нужно постирать, но вот обувь мне не подходила. Стыдно признаться, но размер ноги у меня был небольшой.

Сороковой. А в трофее мне достались настоящие говнодавы сорок четвёртого и сорок пятого размеров. Делать нечего, сапоги хорошие, не бросать же, связал их в одну вязанку и бросил в телегу, ещё пригодятся, сделаны качественно. После этого подхватил исподнее, не забыв связать оставшуюся одежду в один узел и бросить следом за сапогами, я побежал к тому же бочажку. Мыла у меня не было, так что стирал бельё и портянки чем придётся – глиной и песком. Ничего, полчаса убил, но отстирал. Выжав воду, так же бегом вернулся на поляну и бросил исподнее на траву, причём так, чтобы оно сохло, взял поводья и, перекинув их через голову мерина, сел на облучок, после чего щёлкнул поводьями по спине коня:

- Пошёл, Трофей!

Мерин неторопливо стронул телегу с места и направился к опушке, где тёмным туннелем виднелась лесная дорога. Пришлось перед этим развернуть повозку, так как она стояла кормой к дороге. Я выглядел как местный. Конечно, оба поляка на голову были выше меня, именно из-за небольшого роста я и попал в танковые войска, не только из-за того, что имел права тракториста, ну а там работа была такова, что мышцы наработал достаточно быстро. Плечи, вон, раздались, мускулатура появилась. Так что если рубахи подходили обе, то штанины пришлось закатать, чтобы выглядывали босые ноги. Пока так похожу, а когда добуду обувь по размеру, тогда и сменю облик с сельчанина на человека военного времени. По ситуации посмотрим. Тут до границы пара шагов, нужно сваливать, а то как бы погранцам на глаза не попасть. Сева по счастливой случайности как-то обошёл без их внимания, надеюсь, и мне повезёт.

Мерин неторопливо переставлял конечности, да я его и не торопил, причём заметив, что тот сам знает дорогу, я отложил поводья, прижав их правой ногой, чтобы освободить руки, подтянул к себе ближайший узелок с провизией и жадно закопался в нём. Что ж, еда была хоть и простая, но сытная, а главное, привычная мне. Вполне себе деревенская. Я сразу ухватил горбушку, трофейным ножом, тем, что получше, срезал себе кусок, взял дольку сала – оно уже было нарезанным – и с удовольствием позавтракал. То, что я перед этим отправил на тот свет двух неизвестных мне людей, вернее плохо известных, аппетит нисколько не отбило. Смертей я видел множество, всё же участник боевых действий обоих миров, так что смерть поляков для меня осталась фоном за спиной. Да и забыл я уже про них. Этим и отличается воевавший человек от простого гражданина – умеет отсечь смерть других людей. Тут главное, определить, что они тебе враги, вот и забываются быстро.

Еда была сытной, но не сказать, что разнообразной, так что поел я хорошо, даже овощи пришлось к месту. Я про лук и чеснок – с салом самое то. Запил квасом из стеклянной бутылки, заткнутой кочерыжкой. Кстати, у нас в деревне кочерыжки тоже так использовали, хотя жители сельских мест, где были обширные поля, использовали для этого початки кукурузы, но у нас она не росла. Квас был ядрёный, в тему, мне он понравился. Осушил треть двухлитровой бутылки, после чего вернул пробку на место и снова свернул узелок. Второй я только осмотрел и ничего там не трогал, только проверил, нет ли чего скоропортящегося. Кстати, во втором узелке оказалась бутылка с молоком. Да и вообще разница в содержимом узелков была заметной. Я сначала не понял, почему узла с провизией два, если оба поляка с одного хутора, могли всё и в один сложить, вместе же работают, а потом понял, что у одного язва или гастрит, и он на диете.

Позавтракав, я прибрался на телеге и, оставив винтовку лежать с краю, спрыгнул на лесную дорогу, взял мерина под уздцы и дальше повёл его сам, прислушиваясь к звукам в лесу. Телега особо не скрипела, было видно, что о ней заботились и смазывали как надо, так что слушать мне ничто не мешало. Пока мы так шли, я стал обдумывать, что делать дальше. Ситуация полностью прояснилась, по непонятным мне причинам меня забросило в третий мир, где не было Севы и других путешественников. Причём в то же время и место, как и моего знаменитого однофамильца. В первое время после попадания я ещё не знал, как на это всё реагировать, но теперь уже всё решил. Остаюсь. Не буду жить у портала и пробовать вернуться. Раз мне дали шанс, нужно воспользоваться им. Одно было ясно: сразу идти к Сталину не стоит. Тут было несколько причин. Я для него никто, к тому же пропустить то веселье, что происходило огненным летом сорок первого года, мне не хотелось. А вот когда будет у меня имя, а я был уверен, что прославлюсь, тогда и заявлю о себе... Хм, всё это, конечно, хорошо, однако зная о крупных поражениях наших войск, умолчать об этом я просто не могу. Там же наши парни гибнуть будут, а я молчать буду для сохранения инкогнито? Да ни в жизнь. Вот и стояла передо мной проблема, которую я обдумывал, шагая по лесной дороге и вслушиваясь в лес. Рассказ Севы снова подтвердился, я услышал далёкий собачий лай. По звуку веселый, собак или кормили, или с ними кто-то играл.

Привязав поводья к дереву у дороги, а то мерин так и тянулся в сторону хутора, я подхватил винтовку и быстро побежал в сторону собачьего лая. Ишь как заливаются! Пояс с подсумками и двумя клинками был на мне, так что, можно сказать, я был во всеоружии.

Пробежав всего метров пятьдесят, я заметил просвет впереди. Замедлил бег и, уйдя на опушку, а потом в лес, стал красться в сторону хутора. Добравшись до опушки, подобрал подходящее дерево и, мигом взлетев на него, стал осматривать хутор. Что ж, Янек в форме лейтенанта был во дворе, наблюдал за детворой, что играла с собаками, так что последние сомнения отпали. Закончив с осмотром, я спустился и побежал обратно к повозке. Прежде чем начать отстрел, а проходить мимо я не хотел, сначала нужно подготовить пути отхода. Дорога, по которой я двигался от поляны, петляла от границы в глубину наших территорий, поэтому чтобы уйти от неё дальше, нужно было пересечь хутор, через который она проходила, а я этого сделать не мог, не обнаружив себя. Значит, придётся вести повозку через лес, петляя между деревьями. Вот именно этим я и занялся. На то, чтобы обойти хутор, у меня ушло чуть больше часа. Но на лесную дорогу выводить повозку я не спешил, напоил коня в ручье и оставил его в лесу, после чего с винтовкой побежал обратно к хутору. Вот там происходили достаточно интересные события.

Забравшись на дерево, я стал свидетелем того, как летучий боевой отряд поляков собирался уходить – явно совершать диверсии в наших тылах. В случае с Севой, видимо, этого не произошло из-за его неожиданного появления, а тут пять поляков собирались. Причём трое из них были в нашей форме: Янек лейтенант, ещё двое в форме простых красноармейцев. Двое оставшихся были в старой польской форме и, судя по пулемёту, являлись его расчётом.

– Как интересно, – задумчиво пробормотал я, изучая изменившуюся обстановку на территории хутора.

Жители достаточно душевно провожали отряд, было видно, как им желали удачи, скотины такие. Среди хуторян мелькало и чёрное одеяние священнослужителя. Не знаю, был ли он настоящим попом или ксендзом, но играл он неплохо. Честно говоря, то, что я увидел на хуторе, заставило меня поторопиться. Конечно, связываться с подобным боевым отрядом себе дороже, однако отпускать его гулять по нашим тылам хотелось ещё меньше. Кстати, а откуда пулемёт взялся? В рассказах Севы он ни разу не мелькнул.

От опушки до хутора было метров двести, до толпы хуторян – все двести пятьдесят. Подправил прицел – из этого оружия стрелять на такую дальность мне ещё не приходилось, и я не знал всех возможностей винтовки, так что целился качественно. Для прицельной стрельбы мне не требовалось приближаться, это Сева так себе стрелок, а я кое-что умею. Естественно,

выцеливал я агента немцев в одеяниях священнослужителя, именно он и был главной целью, значит, начать нужно с него.

Хлопок выстрела болезненно отдался в ушах, и приклад толкнул в плечо. Однако я уже выбивал использованную гильзу и вставлял в приёмник патрон. Две штуки для быстрой перезарядки были зажаты у меня в зубах. Следующим я решил снять Янека, однако пришлось на ходу менять свои планы. Пулемётчики неожиданно споро отреагировали на стрельбу. Один из них присел на одно колено, а второй положил ствол пулемёта ему на плечо – кстати, до сих пор не могу понять, что за модель – и открыл огонь. Стрелял он по опушке, видимо, дымок моего первого выстрела они не рассмотрели, так что пули впивались в деревья подо мной и по сторонам, но тоже понизу. Вот возьмут чуть выше, и всё, конец котёнку. По звуку пулемётчики определили, откуда стреляли, но то, что я на дереве, ещё не поняли. Так что понятно, в кого я выстрелил следующего.

Первая пуля вошла в живот священнослужителю, отчего он сложился на пыльную землю. Целился я в грудь, так что, прикинув траекторию пули из берданки, я выстрелил в пулемётчика. Снова пуля полетела не совсем туда, куда я целился. Нет, попадание было отличным, но всё равно разброс вышел приличным. Целился я в пулемётчика и, хотя попал в него, пуля вошла сначала в голову его помощника, а потом и в живот самого пулемётчика – тот привстал, перезаряджаясь. Кстати, похоже, это был «Браунинг», магазин явно на двадцать патронов и вставлялся снизу, а не как у «Брена» сверху.

Снова перезарядившись, я стал искать следующие цели, однако их не было. Хуторяне попрятались, на виду лежали только подстреленные мной. Понимая, что длительная перестрелка будет не в мою пользу, да и свою задачу я выполнил – ксендз лежал в пыли и, судя по агонии, уже отходил, – я скатился вниз и побежал к повозке. Хотя и не удалось достать Янека, но я положил пулемётчиков, а те были очень неплохими спецами, судя по их действиям.

Со стороны хутора всё ещё доносились беспокоящие выстрелы, но я не обращал на них внимания, местные ещё не поняли, что я уже ушёл. Благополучно добравшись до повозки, я вывел её на дорогу и, спрятав берданку под сеном, туда же сунул и пояс с подсумками, щёлкнул поводьями. В этот раз мерина я не сдерживал, более того, ещё и подгонял. Лишь в тех местах, где корни деревьев выползали на дорогу, переходил на шаг, чтобы не разбить колёса, а там, где была более-менее нормальная дорога, двигался очень быстро.

Преследования не было, я его так и не заметил, уверен, поляки, если не сдёрнули с хутора, решив, что их обстреляли пограничники или ещё кто из наших, наверняка только начали выяснять, что произошло, так что фора у меня была большая. Пока по следам найдут, куда я на трофейной повозке двинул, я буду очень далеко.

Километров через пять лес закончился, и начались поля. Вдали виднелась полоска следующего леса, но, по-видимому, небольшого, весь горизонт он не занимал. Кстати, левее стояла какая-то наша моторизованная часть, виднелись грибки с часовыми. Не танковая, грузовики в основном были, пушки стояли открыто, да и какая-никакая бронетехника проглядывалась из линейки «БА». Хотя танки тоже были, по знакомым силуэтам я опознал БТ-7. Хм, судя по оснащению, это был разведывательный батальон.

Естественно, на опушку я выскочил не галопом. Заметив просвет, сперва произвёл разведку и, не обнаружив ничего серьёзного, стал приводить внешность в порядок. На голову надел широкополую шляпу бородача, скинул одежду, надел чистое и высушенное исподнее, перепрятал берданку, пояс с подсумками снял. В общем, подготовился. Теперь со стороны я настоящий сельчанин. Убедившись, что не привлекаю внимания, занял телегу и, щёлкнув поводьями, двинул дальше уже на повозке, играя роль простого хуторянина. Главное, чтобы меня не остановили и не опросили. Спалюсь, местного языка я не знал. Кажется, он суржи́ком называется. Хотя это патрулям лучше не попадаться, как раз армейцам на меня плевать. На секунду задумавшись, я на перекрёстке, где к стоявшей летним лагерем армейской части сворачивала накатанная дорога, повернул к ним. Нужно было донести некоторую информацию, мало ли.

Добравшись до грибка у выездных ворот, я натянул поводья. Ещё когда я подъезжал, часовой вызвал разводящего, так что дежурный уже ожидал у ворот, поэтому, когда я остановился, он сам подошёл ко мне. Сделав пару глотков из бутылки с молоком, я протянул её лейтенанту и вытер молочные усы на верхней губе. Выдув полбутылки, тот протянул её обратно и, тоже вытерев губы, сказал:

– Хорошо. Утреннее молочко?

– Вчерашнее, с ледника, – хмыкнул я и, заткнув пробку, убрал бутылку на место. – Я тут мимо польского хутора проезжал, выстрелы слышал, потом пулемёт

работал, но быстро стих. Что-то ручное, но не ДП точно. Сбегал на разведку, там кто-то обстрелял хуторян, видел лежавшего священника и убитых пулемётчиков. В старой польской форме были. Похоже, бандиты. Я сразу развернулся и рванул обратно по дороге.

– Утром я что-то тебя не видел, – с подозрением сказал лейтенант.

– Ночью проехал. Я сам из-под Брянска, тут дальние родственники живут, после освобождения вот смог вырваться к ним, навестить. А то ведь фактически и не встречались никогда, брат отца тут проживает. Гражданская война нас разделила.

– Да, она многим судьбам поломала. Значит, польский хутор?

– Езжайте прямо, никуда не сворачивайте. Кстати, я там видел людей в нашей форме, кажется, ряженые. Будьте внимательны, товарищ лейтенант.

– Сам служил?

– Финская, Халкин-Гол. Старшина запаса. Танкист я.

– Хм, ясно. Ладно, за информацию спасибо. Вышлю дежурный взвод. Сам откуда? Мы тут недавно встали, ещё всех местных не знаем.

– Русский хутор в шести километрах отсюда. Через пару недель домой. Отпуск заканчивается, так что вернусь. Хотя кажется, сегодня постараюсь уехать. Брешают местные, что немцы завтра на рассвете нападут. Я им особо не верю, но мало ли. Домой надо. Всё же призывался я брянским военкоматом.

– Слухи такие ходят, мы тоже не верим... Ладно, бывай, танкист, – протянул руку лейтенант.

Я попрощался с командиром и, развернув повозку, покатыл обратно к дороге. Убеждать лейтенанта в том, что война начнётся завтра, я не стал, и так лейтенант немного подозрительно на меня поглядывал, а тут и до задержания могло дойти. Обошлось, одним словом. В части зазвучали команды, зашумели двигателями машины, а когда я на перекрёстке свернул в наш тыл, территорию

части покинуло три набитых бойцами полуторки, которые двигались в сопровождении двух бронемашин. Уже неплохо. Скрыть следы боя хуторяне не успеют, да и тела вряд ли спрячут, так что находки будут.

Сделав такую гадость полякам, я довольный катил дальше, размышляя о дальнейших планах. Следовать путём Севы я не хотел, я же не лётчик, но одно дело совершить стоит, больно уж Сева переживал, что не спас того лётчика, часто вспоминал о нём. Я о том летуне, которого сбили над головой Севы, а потом местное недоброжелательное население добило вилами. Раз я знал об этом, то нужно поспособствовать тому, чтобы в моей версии такого не произошло. Как это сделать, я и обдумывал. Ведь двигаться по следам Севы, то есть там, где шёл он, я не мог. Значит, вполне возможно, я бы сказал, вероятно, этот воздушный бой будет идти далеко в стороне. Соответственно, мне требовалось скоростное транспортное средство, чтобы быть на месте приземления одновременно с летуном. Как же всё это проделать?

Когда расположение советской части скрылось за очередным холмом и я скатился в низину, то позволил себе улыбнуться. Лейтенанта так заинтересовало моё сообщение, хотя он и старался не подавать виду, что даже про документы у меня забыл спросить, торопыга. В принципе, как я уже говорил, Севин путь мне не подходит, у него своё, у меня своё. Он-то со своими способностями полиглота ещё мог сойти за иностранца, под которого так старательно в первое время косил. То под сына полковника ВВС РККА СССР, то под сына эмигрантов, прибывшего из-за границы. Его, конечно, вели, но в принципе он хорошо играл. Знал подробности. Мне же это не светит. Кроме русского и матерного русского, я ещё знал немецкий. Не сказать что на уровне, но беседу поддержать мог. Мне часто приходилось общаться с немецкими специалистами, их, как и заводы, во множестве вывозили к нам, так что в языке наблатыкался. За немца никак не сойду, однако допрос проведу без особых проблем.

Так что за иностранца меня не примут, да и понять, что я из центральных областей России, тоже можно. Несмотря на то что я из будущего, говор остался тот же, брянский. Специфичные словечки этого края в речи у меня мелькали, и хотя я убрал часть американизмов из своей речи – тут помогли специалисты по словесности, сам бы не смог, – всё же интеллигента из меня не получилось. Как был из рабочих-крестьян, таким и оставался. За это меня, похоже, тоже ценили, как на работе, так и в учёбе. Не сачковал, отдавал учёбе и работе всего себя. Так что, как ни крути, придётся, как и лейтенанту, говорить, что я из-под Брянска.

Правда, до моих родных брянских лесов война дойдёт только к осени, так что проверить мои слова труда не составит, однако глухих деревушек на Брянщине тоже хватает, пусть проверяют, это даст мне дополнительное время. Это я так, на всякий случай. Данные я оставлю свои – Анатолий Александрович Суворов. Сейчас мне двадцать пять, значит, по местному времени я родился... М-м-м, в шестнадцатом, получается? Ладно, пусть будет. День и месяц рождения оставляю прежний – пятое мая. Со званием пока неопределённо. Летёхе я назвался старшиной запаса, им я был в родном мире, а в сорок седьмом уже старлеем. До капитана я ещё не дорос, тут возразить нечего, а вот старлея честно заработал. Так что посмотрим по ситуации.

Машинально подгоняя мерина, я продолжал обдумывать свои дальнейшие шаги. Именно сейчас возводился фундамент того, как я буду действовать дальше. Причём размышления нисколько не мешали ни управлению меринком, ни контролю за окружающим пространством, так что я сразу насторожился, когда услышал где-то неподалёку приглушённый хлопок, похожий на пистолетный выстрел, и, кажется, женский крик. Слева находилась роща, которую я принял за лес, так что как только прозвучали хлопок и крик, я сразу свернул на обочину и завёл повозку под деревья. Нужно выяснить, что происходит. Да и время заодно убью. Сева шёл пешком, и хотя он старался уйти как можно дальше, по моим прикидкам, я его по времени уже должен был обогнать. Вот и решил притормозить, воспользовавшись случаем.

Быстро накинув поводья на ветку, подхватил винтовку с подсумками и рванул вглубь рощи. Времени застёгивать пояс просто не было, поэтому, на ходу проверив патрон в патроннике, я убрал в карманы остальные. Осталось всего два патрона в запасе. Бежать пришлось недолго, звуки раздавались рядом. Иначе бы они до меня не донеслись. Буквально в тридцати метрах от опушки по роще проходила лесная дорога, ведущая куда-то вглубь леса, но генеральская «эмка» далеко не поехала. На подножке сидел генерал-лейтенант и получал по обритой голове хорошие тумаки. Крепкий такой красноармеец с пудовыми кулаками использовал голову генерала как грушу, довольно профессионально боксируя. Тот ещё пытался закрываться руками, причём тоже с немалым умением, но, похоже, поплыл и уже пропускал некоторые удары. Фуражка генерала валялась в дорожной пыли рядом с телом убитого водителя. Кстати, я понял, почему пистолетный хлопок был едва слышен. Видимо, бандиты или диверсанты, думаю, все же последние, под видом патруля остановили машину генерала, который почему-то ехал без охраны, и под дулами оружия разоружили водителя и генерала, а также молодую дивчину в форме военфельдшера. Видимо, походно-полевую жену генерала. Молоденьких, похоже, любит? Так вот,

водителя почему-то убрали не ножом, а приставив дуло пистолета к груди, спустили курок. Гимнастёрка ещё дымилась на месте выстрела. Всего бандитов было шестеро, все в нашей форме. Один командир, один старший сержант и четыре простых красноармейца. У старлея, что играл старшего патруля, была Красная Звезда на френче. Совсем как у меня.

Вот это всё я окинул быстрым взглядом и, вскинув берданку к плечу, сразу произвёл первый выстрел. На момент моего появления ситуация была такова: бандит в форме старшего сержанта пытался вырубить генерала не самыми популярными методами, он это проделывал под пристальным вниманием липового старлея и одного из бойцов. Второй наблюдал за окрестностями, но стоял за машиной и меня не заметил, двое других волокли девушку под деревья, срывая с неё одежду, юбку уже порвали, открывая вид на довольно красивые ноги, сейчас френч рвали, отчего отлетали пуговицы, и нательную рубашку. Судя по краснеющей скуле и разбитой губе, та пыталась сопротивляться, но сейчас находилась без сознания, похоже, одним из ударов её вырубил. До всех действующих лиц было от десяти метров до пятнадцати – совсем рядом, так что рассмотрел всё в подробностях.

Первую цель я выбрал не колеблясь. Командир. Нужно сразу обезглавить противника, но не это главное, мне была нужна его форма. Неважно, что фигурами мы не схожи, фурнитура и фуражка тоже пригодятся, ниткой с иглой я владею, что надо, перешью. Тем более ушивать куда проще. Приклад толкнул меня в плечо после выстрела, а голова старлея дёрнулась, но не лопнула, как было у того пулемётчика. Пока командир диверсионной группы оседал на дорогу, я уже в прыжке ушёл за соседнее дерево и, судорожно перезаряжаясь, орал хриплым командным басом:

– Первое отделение, заходить по левому флангу! – и тут же сменив бас на тенор, ответил, но в другую сторону, чтобы из-за эха казалось, что идёт переключка нескольких людей: – Есть, по левому флангу!..

К этому моменту я успел перезарядиться и, высунув ствол винтовки из-за дерева, не переставая орать команды и отвечать самому же себе, произвёл второй выстрел. Тот старший сержант, что до этого избивал генерала, получив пулю в поясницу, взмахнул руками и упал. Убежать он успел не так и далеко.

– Хоть одна мразь уйдёт, наряды до демобилизации будете отрабатывать!.. – продолжая орать, я снова занялся перезарядкой. – Третье отделение, правый

фланг, окружить супостата. – Есть! Второе отделение, приготовиться открыть беспокоящий огонь!

Последний выстрел – больше боезапаса не было – я уже делал наугад, диверсанты давно сбежали. Моё неожиданное нападение, а главное, спич с командованием ими был понят правильно, так что рванули они, только пятки сверкали. Однако двое остались тут, а это вполне неплохой результат. Привстав на колени, я пощупал три свежих отметины от пуль на стволе дерева. Значит, не показалось, в ответ тоже звучали выстрелы. Кажется, один винтовочный и два из нагана. Сержант стрелял, отшатнувшись от генерала, в его руке я видел знакомый силуэт револьвера. Хм, а почему он генерала не добил, был же шанс? Или не успел, не до того под огнём было? Но в меня же стрелял. Непонятно. Видимо, замешкался. Генерал живой был, я видел, в крови, в грязи, но шевелился.

Выйдя на дорогу, я отшвырнул от себя берданку, всё равно к ней патронов не было, следом отправил пояс с пустыми подсумками. Потом замер на секунду, осмотрев ту картину, что сам только что нарисовал, и довольно кивнул. Удачно всё получилось, но лучше тут не задерживаться. Первым делом я пробежал мимо машины со сползшим на землю генералом, даже мимо лежавшей на опушке девицы – она пыталась пошевелиться – и подскочил к сержанту. Тот пытался ползти, соответственно был жив, а не отправился в мир мёртвых, как его командир. Пуля вошла ему в поясницу, пролетев под вещмешком и не зацепив его, но не убила, хотя и нанесла серьёзную травму.

У сержанта обнаружилось на удивление много оружия, наган он выронил, когда падал, и тот остался лежать метрах в двух от его ног, за поясом был заткнут блестящий хромированный маузер, причём явно наградной, но без кобуры, а за спиной на ремне находился новенький мосинский карабин. Сняв с диверсанта задравшийся на голову сидор, отстегнул ремень карабина и выдернул его из-под тела раненого, такую же операцию проделал с поясом, имеющим подсумки, не забыл и маузер. Хороший пистолет, революционный. Только эта модель в Союзе не совсем распространена. Модель шестнадцатого года, под парабеллумный патрон, на это намекала красная цифра девять на рукоятке. Не удивлюсь, если он принадлежит генералу, но как немецкий маузер оказался у него? Трофей уже после гражданской или подарок? Также я быстро охлопал бредящего «сержанта». Поговору или литовец, или из других прибалтийских государств.

Определив, что раненый проблем не доставит – он бредил и уже бойцом не являлся, – я с трофеями вернулся на дорогу. Наган тоже был при мне. Более того, с сержанта я содрал ещё и сапоги. Мой размер оказался, сороковой. Остальное было запачкано кровью. Разве что ещё пилотку забрал, на будущее запас. Трофеи отнёс к своей лёжке, откуда стрелял, и убрал за дерево. После этого, пока девица принимала сидячую позу и не совсем осмысленно оглядывалась, я быстро раздел старлея, кстати, у него вещмешка не было, и отнёс форму с сапогами к лёжке. Может, трофеи и потом можно забрать, но я постарался обезопасить теперь уже своё имущество.

Вернувшись на дорогу, я отстегнул от пояса убитого водителя флягу и вылил часть воды на голову генерала, тот уже приходил в себя. Так что я ускорил этот процесс. Присев рядом с ним на корточки, я покрутил в руках маузер. Он точно принадлежал генералу. На заднем сиденье легковушки валялась пустая кобура.

– У меня такой же был. Наградной, – сказал я, чтобы начать разговор хоть с чего-то. – Хороший пистолет с точным боем. Трофеей с Финской. До сих пор жалею, что лишился его.

– Потерял? – хриплым тоном спросил генерал и присосался к фляжке, что я ему протянул, после чего с кряхтением попытался привстать, но смог сесть на сиденье через распахнутую дверцу только с моей помощью.

– Лишили вместе с наградами и званием по приказу одного командарма. Не по душе ему я пришёлся.

– За что же лишили?

– Слишком напрягал бойцов в изучении боевой техники, уставов и остального. Мало давал им отдыха и времени заниматься политинформацией. Нашёлся подлец, который пожаловался на меня в политуправление. Я был не согласен, вот из меня и сделали крайнего. Ещё и политруку врезал. В общем, ушёл со службы старшиной запаса. Недавно совсем, пока в поиске себя. На службе деньги не тратил, к зелёному змию равнодушен, так что скопил средства. На них и живу. Сюда к родне приехал, с Гражданской их не видел. Правда, не помню их, маленький был. Разделила нас та война.

– Сам кем был?

– Старлеем. Танкист, командир тяжёлой роты. Про КВ слышали? Ими и командовал.

– Здесь служил?

– Нет, Киевский военный округ. Честно говоря, после Финской ни разу в отпуске не был. Вот и отдыхаю. Как оказалось, зря, это не первая мной встреченная группа диверсантов. В первой я пленного взял, допросил. Говорит, из немецкого диверсионного полка «Бранденбург», задача – захват одного из стратегических мостов. Завтра в три с половиной часа утра они начнут. Сначала артиллерия ударит по заранее разведанным целям, одновременно авиация налетит на наши спящие аэродромы. В общем, застигнут со спящими штанами. Это всё будет завтра. Я тут подумал, решил, партизанить буду. Немцы, по моим прикидкам, легко сомнут приграничные войска и уйдут дальше...

– Дочка, – очнулся генерал. – Где моя дочка?

– Эта девица в форме военфельдшера? – удивился я. Не думал, что это дочка. – На опушке сидит. По виду, живая. Сейчас приведу.

Генерал остался сидеть в салоне, он ещё плохо себя чувствовал. Время от времени прикладывался к фляге, пару раз плеснул на темнеющее кровоподтёками лицо, так что сбегал сам.

Присев рядом с девицей, я пару раз щелкнул пальцами перед её лицом. Та не отреагировала.

– Тяжёлый случай, – пробормотал я и, широко замахнувшись, отвесил ей хорошую оплеуху.

Это помогло. Взвизгнув, та закрылась руками.

– Пришла в себя? – грубо спросил я. – Давай топай к машине, тебя отец видеть желает.

Быстро осмотревшись, я собрал детали формы. Девица была в исподнем, да и то порванном, поэтому сначала помог ей хоть как-то привести себя в порядок,

честно говоря, плохо получилось, после чего, придерживая за локоть, подвёл к машине и посадил уже на водительское сиденье. Та, правда, долго там не просидела, рванула к отцу в объятия и разрыдалась.

– Вы как тут без охраны оказались? – поинтересовался я, заглядывая в салон и вынимая из зажимов карабин, видимо принадлежавший водителю.

– Без охраны выехали. Дочка настояла, торопилась на железнодорожную станцию.

– Так из-за этой тупой овцы боец погиб и вы в эту ситуацию попали? Понятно.

– Что?! – взвизгнув, подскочила девица, чуть не с кулаками бросаясь на меня.

– Мадемуазель, – издевательски сказал я, слегка поклонившись. – Если вы не понимаете русского языка, я повторю: тупая овца, тупая овца. Мнение в ваших умственных способностях я не изменю. Только полная дура могла настоять выехать из расположения без охраны на территории, где вот уже как второй день немецкие диверсанты режут советских военнослужащих. Для примера оглядитесь вокруг.

Пока девица в прострации сползала с генерала на влажную лесную дорогу, я обошёл машину и направился к «сержанту» – что-то тот больно громко стонал от боли, мешал нам. По пути сменил карабин на подобранную берданку, а карабин прислонил к багажнику легковушки, всё равно он не мой. Забирать не буду. В отличие от карабина, у винтовки штык имелся. Подойдя, я спокойно воткнул штык ему в грудь, повернул его и, выдернув, посмотрел на начавшие стекленеть водянистые глаза диверсанта. Теперь точно готов. Обернувшись, я обнаружил, что генерал стоит, покачиваясь в своей измаранной пылью, грязью и кровью форме, у багажника «эмки» с маузером в опущенной руке и пристально, но несколько устало наблюдает за моими действиями. Вот девицы видно не было, слышно только, как она хлюпает носом. Кстати, генерал, когда я отчитывал его дочь, не возражал, лишь поглаживал её по голове и благодарно мне кивнул. К моему удивлению, он понял, что я просто приводил девушку в порядок. Сразу пришла в себя, как я её овцой назвал. Ничего, сейчас выплечется, совсем очухается.

– Это было обязательно? – поинтересовался он, кивнув на «сержанта». – Пленный нам бы пригодился.

– От него всё равно никакого толку. Отходил уже, вот и помог, чтобы не мешал своими хрипами и стонами, – я бросил винтовку рядом с трупом.

– Спокойно ты как-то это сделал.

– А что такого? Мне доводилось на пару с заряжающим целую землянку с финнами вырезать. Ножам работали. Патроны к нагану к тому моменту у меня уже закончились. Восемь человек порешили. Хоть согрелись.

– Танкист – и на противника с ножом ходил? – приподнял тот разбитую бровь и поморщился от боли.

– На войне всякое случается. Слышали про сто шестьдесят третью стрелковую дивизию?

– Я сам в том конфликте не участвовал, но некоторые слухи доходили.

– Финны пустили их вглубь своих территории и, окружив, полностью уничтожили. Я поленницы тел на обочинах видел. Страшное зрелище. Так вот, потом командование на деблокаду сто шестьдесят третьей отправило сорок четвёртую стрелковую дивизию. Я тоже в том рейде участвовал, добровольцем. Только повезло, что шёл в арьергарде. Передовые части все были окружены и уничтожены. Мы тоже в ловушку попали. Блокированы были на дороге. Почти сутки держались, пока боеприпасы не закончились. Потом один майор приказал отступать и повёл колонну по лесу в сторону наших позиций. Пешком, бросив всю технику. Причём целой. Я вот свои танки приказал сжечь и повёл своих бойцов другой дорогой. Как оказалось, не зря. Тот майор вывел едва десять процентов, да и погиб он по пути, снайперы всех командиров повыбивали. Нам же повезло, нашли землянку, финнов вырезали, за их счёт лыжи приобрели, оделись потеплее – фуфайки под комбезами совсем не спасали, чуть не окоченели. Ну, а пленный через их секреты вывел нас к своим. В принципе всё. Дальше была рутинная война. Как видите, ножом и штыком я тоже владею... Ладно, что-то мы разговорились. Вы машину водите? Ваша «эмка» на ходу, как я понял, вам следует проехать в ближайшую часть и получить квалифицированную медицинскую помощь.

– Диверсанты не вернуться?

– С какой это радости? Наверняка и сейчас бегут, только пятки сверкают. О, кстати, я когда трофеи собирал, заметил одну забавную особенность на награде лжестарлея. Сейчас принесу.

Пока генерал, тяжело переваливаясь, снова занимал сиденье, он при этом дочку успел посадить на место водителя, я сбегал к трофеям и ворохом принёс их к машине. К сожалению, форму взять я не мог, даже обувь принёс. Причина та же. Мало того что найти могут, так ещё обувь немецкая. У нас гвоздями подошва обита с круглыми шляпками, а у немцев – квадратными. На фига мне так палиться? Нет уж, достану где-нибудь советские сапоги своего размера. Да и с формой так же. Остановит патруль, обыщет телегу – хоп-па, а форма командира у тебя откуда? Ещё пристрелят на месте. Они сейчас из-за многочисленных нападений нервные. А так, когда таскал одежду, вот и заметил несоответствие в награде.

Бросив тюки на дорогу рядом с трупами, я оторвал поддельную награду от командирского френча и протянул её генералу.

– Подделка явная. Смотрите. Вместо сапог ботинки. Есть ещё мелкие несоответствия, но это первое, что бросается в глаза.

– Действительно, – изучив подделку, кивнул генерал и удивлённо замер, когда я застыл в стойке суслика. – Что случилось?

– Слышите моторы? Сюда двигаются. Скоро тут наши будут... Хм, мне, пожалуй, пора, товарищ генерал, я ухожу. Вернее, убегаю. Мне ещё подготовиться нужно к началу войны.

– Подожди! – приказ генерала был отдан таким тоном, что я невольно замер и по-строевому развернулся на рефлексах назад, хотя уже успел отбежать на пару метров, тут мне ловить уже было нечего.

С кряхтением, всё же хорошо его побили, генерал дотянулся до кобуры-приклада, лежавшей на сиденье. Вложил в неё свой маузер и протянул мне, захлопнув клапан крышки.

– Подарок. Спасибо, парень. Кстати, ты не представился.

– Анатолий Суворов, товарищ генерал-лейтенант.

– Генерал-лейтенант Смирнов Андрей Кириллович.

– Приятно познакомиться, товарищ генерал, хотя и жаль, что в таких условиях. А за подарок спасибо, постараюсь сберечь.

Перекинув ремешок через голову, тот был длинноват, кобура в районе колена билась, генерал был выше меня, я подбежал к сложенному оружию бандитов, забрал карабин, на который был намотан ремень с патронташем, и ремень с кобурой лжестарля, после чего побежал дальше, придерживая сидор. Вещмешок «сержанта» я прихватил. Успел едва-едва, даже заметил, как из-за поворота лесной дороги показалась морда первого ЗИСа. Добежав до телеги и свалив на корму все трофеи, замаскировал их свежим сеном и быстро вывел повозку на дорогу и заторопился отъехать подальше, миновав перекресток, куда выходила лесная дорога.

Отъехал не так и далеко. Конечно, жаль, что не удалось узнать, откуда ехал генерал, да и почему оказался тут. Не всё удалось прояснить, но помог, уже хорошо. Такими маузерами не разбрасываются, так что подарок памятный. Я действительно постараюсь его сохранить.

Пока катил по дороге, всё пытался понять, откуда мне знакомо имя этого генерала. Кажется, один из фронтовиков рассказывал про него. Из тех немногочисленных фронтовиков, буквально единиц, кто пережил сорок первый год. Правда, служил он на территории Украины и воевал там же. Получается, Смирнов тоже из Киевского военного округа? А тут что делает? К дочке приехал? Вполне возможно. Хотя чего гадать, так можно до любой версии додуматься. Правда, фронтовик рассказывал о Смирнове для примера, без подробностей. Мол, разные генералы у нас в начале войны были, а взять того же Смирнова для примера, ему самолёт предлагали для эвакуации, а он отказался и погиб со своими войсками в окружении. Вот, мол, это настоящий генерал!

Надеюсь, что в этой истории генералу всё же повезёт. Чуть-чуть, но историю я изменил. Интересно в моём родном мире кто спас генерала? Да и вообще

попадал ли он в лапы диверсантов? В каждом мире история может плыть по-своему.

Заметив, как слева блеснула серебром вода, я свернул туда. Вынужденно. Мерино немного загнал, отдых ему требовался, напоить да и обиходить пора наступила. Заодно на свежей травке попасётся. Обращаться с лошадьми я умел, всё же вырос в деревне. Распряг, немного поводит уморённого коня, чтобы тот дыхание восстановил, и когда он остыл, завёл в воду и дал напиться, заодно намыл щёткой. Я её в телеге нашёл, когда трофеи перепрягивал. Старая, видимо для переделки взяли, щетины почти нет, но мне хватило помыть коня. Потом вывел его на берег и, стреножив, пустил пастись. Сам покупался и, выбравшись на берег, хорошенько пообедал, фактически добив остатки продовольствия. Больше хранить было нельзя, испортятся. В обе опустевшие бутылки я налил речной воды, на этом всё. Ах да, стоило упомянуть про наган. Я его не забрал, оказалось, это личное оружие дочки генерала. Пришлось вернуть вместе с кобурой. Кобуру с ремнём нашёл за машиной, где диверсанты девицу схватили и лапали. Это я предполагаю, сам не видел. Вот формы её оценил, очень красивая фигурка, и грудки просто восхитительные. Сейчас, вспоминая, улыбаюсь, а тогда почти и внимания не обратил, не до того было.

У небольшой речушки я пробыл часа два, и после полудня снова запряг мерино и двинул дальше. Отъехал километров на пять и встал на ночёвку, дальше ехать я смысла не видел. Не думаю, что Сева за день прошёл большее расстояние.

Пужинал я консервами и почти свежим хлебом. Всё не резал, полбуханки хватило. Организм у меня растущий, молодой, так что банку всю схомячил. Продовольствие нашлось в вещмешке диверсанта. Я только вечером, когда нашёл неплохое место для ночёвки, осмотрел трофеи. Ну, карабин, понятно, к нему в подсумках было шестьдесят патронов, да в гранатной сумке две наши РГД-33. В кобуре лжестарлея обычный на вид ТТ, даже запасной магазин в кармашке был в наличии. Больше из оружия ничего не было, разве что холодное. У обоих убитых диверсантов в сапогах оказались небольшие клинки с маленькими рукоятками, но длинным и тонким лезвием. Стилеты, чтобы незаметно убивать. Ещё была финка за голенищем второго сапога у «сержанта». Это всё. В самом вещмешке, когда я развязал завязки, обнаружили пачки патронов для карабина, порядка сотни штук. Точный подсчёт показал – сто двадцать патронов. Шесть гранат имелось, четыре классические лимонки и две РГД-33. Тут же я нашёл четыре осколочных рубашки для «тридцать третьих». Те две, что находились в гранатной сумке, рубашек не имели. Исправил ситуацию.

Конечно, удивляло, откуда у противника наши гранаты, но стоит ли гадать? Были у них, теперь есть у меня.

Помимо запасной нательной рубахи ещё были портянки, две банки консервов, тоже советских, палка колбасы сырокопчёной, ещё не тронутой, ну и буханка ржаного хлеба. Отдельно лежал свернутый бикфордов шнур, но взрывчатки не имелось. Термосов не было, разве что фляга с ремня «сержанта». Но я её не отстёгивал, лишь воду сменил на свежую. Это все, что было в вещмешке. Может, у диверсантов ещё что было ценное, но скорее всего, унесли выжившие, лишив меня дополнительный трофеев. Как бы то ни было, я вскрыл одну банку консервов, нарезал хлеба и колбасы. После чего поужинал. Я лишь об одном жалел: не попалось какой-нибудь завалящего котелка.

После ужина почистил всё оружие. Маузер действительно имел патроны от парабеллума. Правда, был всего один магазин на десять патронов, и всё. После обихода оружия я забрался на телегу и спокойно и быстро уснул. День тяжёлый был.

Проснулся от гула многочисленных авиационных моторов в уже светлеющем небе. Всё правильно, так и должно быть. Выкопавшись из соломы, я скинул с себя вторую рубаху, которой укрывался как одеялом, и, потягиваясь и сладко зевая, осмотрел светлеющее небо. Самолётов хватало. Они не шли ордой, летели где по двенадцать штук, где девятками, а где вообще тройками. Видимо, у каждой группы свои задания, двигаются по маршрутам обособленно. Всего в пределах прямой видимости было порядка шестидесяти бомбовозов разных моделей и типов. Сюда стоит включить и немецкие истребители, их тоже хватало, с десятков точно было. Дальше вроде тоже летели немцы, но у лжестарлея бинокля не оказалось, так что точно сказать не могу. Но думаю, всё же немцы.

Выскочив из телеги и сделав пару разминочных движений, я быстро разбудил мерина, тот спал стоя, опустив голову и ничуть не реагируя на события вокруг. Запрягать не стал, тут другое требовалось. Опоясался ремнём, закинул карабин за спину, поправил ремень и, вскочив на спину мерина, ударил голыми пятками ему по бокам. К одной из групп бомбовозов километрах в трёх от меня уже приближались «ишачки», много – несколько десятков, значит, всё в порядке, я там, где и хотел. Промахнулся не так и далеко.

Выскочив на дорогу, я натянул поводья, пристально отслеживая бои, что шли в небе. Изредка я осматривался вокруг, не хотел, чтобы меня застали врасплох с разинутым ртом. Так что двух сельчан, что стояли с косами на дороге метрах в трёхстах от меня, рассмотрел хорошо. Они тоже наблюдали за боем в голубом небе.

– Оп-па, а не те ли это самые пшеки, что доби́ли раненого лётчика? – пробормотал я. – Хотя чего гадать?

Сняв карабин, поправил прицел и первым же выстрелом поразил одного из сельчан, отчего тот свалился на обочину, выронив косу. Мерин подо мной заволновался от хлопка и пошёл боком, так что пока я перезаряжался и успокаивал его, второй успел смыться вглубь леса. Ударив пятками в бока коня, я неторопливо направил его в сторону убитого поляка, поглядывая на небо. Всё происходило так, как и рассказывал Сева. От общей свалки отделился один «ишачок» и атаковал четвёрку «мессеров», что шли на помощь своим. Никого не сбил, но продержался против четверых почти целую минуту.

Наконец в небе распустился парашют летуна, которого я ждал, вот на него начали заходить, явно собираясь расстрелять в воздухе, но помешали другие советские истребители, даже подбили одного немца. Тот со снижением и дымным хвостом пошёл в сторону своих войск. Наш лётчик опускался благополучно, фактически на меня, так как я уже добрался до убитого поляка. Выстрел был хорош, точно в грудь. Даже не мучился.

Рядом с убитым лежало две косы, два узелка с едой и точильный камень. Вотвил не было, видимо их унёс тот второй. Привязав мерина к стволу дерева на опушке, я направился в сторону возможной посадки. Определил, где он завис, по треску ломающихся веток. Мат подсказал, что я на верном пути.

– Здорова, братуха! – громко поздоровался я, выходя к пяточку, где и висел на стропах, запутавшись в ветвях, знакомый по рассказам летчик.

У него действительно плетью висела одна рука, и свободной он старался освободить стропы. Тут до земли было с пару метров, спрыгнуть не высоко. Мой окрик заставил его замереть и настороженно посмотреть на меня. Дотянуться свободной рукой до кобуры он не мог, а правая висела плетью, как я уже говорил.

– Старший лейтенант Соломин Эдуард? Отчество не помню, – уточнил я. – Сто шестнадцатый ИАП?

Тот глаза на меня вытаращил.

– Он самый. Откуда узнал?

– Слухами земля полнится. Хорошо завис. Ладно, отстегивай ремни, я тебя поймаю. Давай, не дрейфь, свои.

К чести старлея, медлить он не стал и по одному отстегнул ремни, пока не освободился от сбруи парашюта. Я его поймал и помог не упасть, после чего повёл к опушке, придерживая сбоку.

– Этот откуда? – кивком показал летчик на тело, лежавшее на обочине.

Я помог ему сесть, прислонив к стволу дерева, и дал выпить из фляги, осмотрел повреждённую руку.

– Местный бандит. Пришлось подстрелить, иначе они бы тебя прямо там добились. Жаль, второй ушёл... хм, понятно, – пробормотал я и резко дернул руку вниз. У лётчика оказался банальный вывих.

Вскрикнув и яростно выматерившись – я Соломина не предупредил, – тот стал потирать больное плечо, пока я из платка, оставшегося от узелка с продовольствием, который у меня в кармане хранился, соорудил косынку. После этого надел её на шею лётчику и помог убраться, предупредив:

– Пару дней старайся рукой не пользоваться, чтобы потом осложнений не было.

– Хорошо.

– Давай я перекину пистолет из кобуры тебе за пояс, чтобы левой рукой пользоваться можно было, а то ты фактически безоружный.

– Тоже дело, – легко согласился тот.

Достав из кобуры ТТ, я привёл его к бою и подал лейтенанту в левую руку, тот сам заткнул пистолет за ремень, как ему было удобно, а запасной магазин убрал в карман галифе.

- Ты меня откуда-то знаешь, а я тебя впервые вижу. Может, представишься?

- Анатолий Суворов. В прошлом, как и ты, был старлеем. Только танкистом. Сейчас старшина запаса. Объяснять не буду, как так получилось, долгая история, а нам отсюда уходить нужно.

- Мне бы в часть поскорее вернуться.

- В этом я тебе помочь смогу. Мне трофеем повозка досталась. Она тут, в паре километров, у места моей ночёвки стоит. Доберёмся, забирай, владей, мне она уже не пригодится.

- Почему?

- Я же танкист. Подберу себе что-нибудь. Тут скоро много будет брошено битой и сломанной техники.

- Воевал?

- Финская, Халкин-Гол.

- Понятно, опытный, значит.

Старлей встал и, баюкая руку, с интересом смотрел, как я обыскиваю труп поляка, а потом подбираю узелки с продовольствием. Заглянув внутрь одного, я выудил бутылку с молоком, и мы напились прямо из горлышка. Всё выпили, стресс сказывался, пить постоянно хотелось. Вернув фляжку на место, я помог Соломину усесться на широкую спину мерина, подал ему узелки, чтобы придерживал их одной рукой, и повёл коня в сторону своего лагеря. Думаю, если бы Сева узнал, что я смог спасти Соломина, он бы только порадовался. Но на этом всё, дальше я просто не смогу идти по следам Севы. Да и смысла в этом не видел. С этой минуты у меня начинался свой путь.

Пока мы двигались, я рассказал отредактированную версию, как тут оказался, как с бандитами схлестнулся и заимел повозку. Ну, и как генерала спас. Подаренного маузера тут не было, но я пообещал его показать, когда доберёмся до лагеря. Один раз лишь прервался, когда мы сошли на обочину, чтобы пропустить моторизованную часть. Не меньше потрёпанного батальона прошло. Шесть танков, несколько броневых автомобилей, остальные двигались на грузовиках. Крепкая такая на вид часть.

Когда свернули с дороги к моему лагерю, уже чисто танковые подразделения пошли, поднимая большие клубы пыли, но нас это уже не волновало, мы были в стороне.

Вытащив из кустов спрятанный вещмешок, я показал подарок, который произвел на старлея впечатление, после этого мы позавтракали, так как оба не успели этого сделать. Потом я разделил припасы на две части, запряг мерина, и мы с Эдиком, как он просил себя называть, расстались. Тот поехал в тыл навстречу двигающимся подразделениям РККА, а я остался в лагере. При мне был один только сидор. Да, внутри находился ремень с кобурой с ТТ да кобура с маузером, но карабин я отдал Эдику вместе с подсумками. Вот гранаты не отдал, только патронами поделился. Так что со стороны я напоминал обычного не опоясанного и босого сельчанина. Кстати, обувь убитого поляка мне тоже не подошла, сорок третий размер. Вот у Эдика были сапоги сорок первого размера, но они ему самому были нужны.

Когда повозка, где покачивался правивший левой рукой Эдик, скрылась за холмом, я поправил сидор и побежал в сторону леса. Пока мне тут ловить нечего, стоит поискать укромную берлогу и укрыться. Уходить в тыл я не хотел, а раз собирался повоевать с немцами, то стоит хотя бы дождаться их появления.

Не знаю, может, мне повезло, но когда я добежал до леса, на опушке которого и подобрал Соломина, на моих глазах из колонны выкатился, теряя ход, танк и замер тёмной глыбой в тени кустарника под обрывом. Это был БТ-2 с тридцатисемимиллиметровой пушкой в башне. Эти танки были в основной массе пулемётными, а не пушечными, как считалось. У нас на полигоне в Кубинке они тоже были. В колонне в основном бэтэшки, хотя мелькали и туши «двадцать восьмых». Эти танки интереса для меня не представляли, хотя в умелых руках и они очень грозная сила. Жаль, наши военачальники просто не представляли себе всех возможностей этих машин и губили их в атаках и контратаках. Меня интересовали «тридцатьчетвёрки» и КВ, но их в колонне не было.

Наблюдая, как боевой отсек покинуло трое танкистов в синих комбезах и чёрных шлемофонах, я пожал плечами и направился к ним, пробормотав:

– Почему бы и нет?

Обойдя куст орешника, я сбежал по двухметровому глиняному склону на обочину и, морщась от клубов пыли, выхлопных газов и производимого шума, направился к вставшей машине.

– Здорово, парни. Поломались?

Встретив три внимательных изучающих взгляда, я только открыто улыбнулся, с интересом разглядывая танкистов. Комбезы меня только позабавили, особенно клапаны на пятой точке. Шлемофоны непривычного вида, уродцы какие-то без ларингофона. Похоже, для переговоров использовались микрофоны, они были на проводах. Схожие комбезы на Кубинке использовались, отрицать не буду, сам в таком щеголял по полигону или в боевых отсеках машин, проводя испытания, однако именно такие шлемофоны я не застал. У нас уже были нормальные, с ушками, чтобы застёгивать под подбородком, а не как здесь – шлемом.

– Поломались, – согласился командир.

Кто из них был командиром, выяснить не представляло труда. У него у одного была кобура на поясе, да и поведение на него указывало. Двое других слушали именно его. При этом все трое были сержантами, я петлицы видел в расстёгнутых воротах.

– Серьёзно? Может, помочь чем?

– Серьёзно. Движок и так был изношен, а тут клина дал.

– Тогда только на замену, – согласился я.

Один из танкистов, как я понял, мехвод, полез в танк и, достав ремень с кобурой, опоясался. Второй боец достал из боевого отсека не только карабин, но и пулемёт с запасом дисков, а также вещмешки. Похоже, парни оставаться тут не собирались.

– Уходите?

– Нет, машину не бросим, на опушке устроимся, ремлетучку подождём, она позади колонны плетётся... Вася, сошки не забудь.

– Командир, – тронул я сержанта за рукав комбеза. – Летучку можете и не дожидаться. Тормозни кого-нибудь, пусть отбуксируют тебя под деревья, там замаскируешь машину. От опушки открывается отличный вид на дорогу. Если появится колонна противника, подобьёшь первую машину и ту, что вывернет из-за поворота. Запрёшь их: с одной стороны крутой склон холма, на своих двоих не поднимешься, с другой – заболоченный луг. Позиция идеальная, деваться им некуда. Сам к опушке сможешь подняться чуть дальше. Там вполне удобный склон.

– Я смотрю, разбираешься. Воевал?

– В Финскую немецкие танки жёг, немцы их испытывали в боевых условиях со своими экипажами. Они так же и в Испании делали, только на Финской куда в меньших количествах, – нехотя кивнул я. – Тоже танкистом был, в запасе сейчас. Запомни, сержант, бей в борт или по гусеницам. Снаряди в диски пулемёта побольше зажигательных патронов. У немецких машин запас хода небольшой, топливо они на броне возят, а оно авиационное. Легко воспламеняемое. Простой боец из винтовки так легко сможет сжечь танк в колонне. Запомни это.

– Спасибо за совет, – кивнул тот и побежал вдоль колонны, махая руками. Видимо, увидел что-то интересное. Ну, а я незаметно для танкистов, что всё ещё возились с танком, доставая дополнительные диски к пулемётам, скрылся в лесу. Делать мне больше тут было нечего.

Осторожно поглядывая, куда становить босую стопу, чтобы ее не пропороть, я продолжил углубляться в лес. Двигался долго, почти километр, пока не понял, что лес крупный. Тут снова пожалеешь, что у того лжестарлея не было не только бинокля, но даже планшета с картой. Что за нищие диверсанты мне попались?

Так вот отойдя от опушки на полтора километра, я нашёл неплохой ельник и, достав нож, стал рубить лапник. Тут у меня будет лагерь. Двигаться дальше мне смысла не было. Немцы сейчас рванут к Минску, и как ни торопись, пешком мне

за ними не угнаться, можно и на технике, и даже возможно, повезёт прорваться к своим, но вот этого как-то не хотелось. Были причины. Я их уже озвучивал. Не хотел, как другие бедолаги, погибнуть из-за идиотских приказов ничего не умеющих и не знающих командиров. Я-то историю знаю, выжить танкисту в огненном лете сорок первого нереально трудно, а я не такой везучий, чтобы надеяться, что мне повезёт выжить, да и вообще попасть под командование опытного и адекватного командира. Соответственно, что? Нужно сделать так, чтобы командиров надо мной не было совсем.

Время подумать у меня было, и я принял вот какой план. Чтобы не произошло большей части трагедий и поражений Красной Армии в сорок первом, нужно иметь связь с правительством Советского Союза. Тут вот Сева зря этого не сделал. Я решил устроить в обязательном порядке одностороннюю связь, чтобы на меня не вышли. Понятно, что выйдут, но мне важно было, чтобы не сразу и не скоро. Глядишь, до сорок второго продержусь. Но это я уже размечтался.

Так вот, связь буду держать с помощью писем, где стану описывать ближайшие поражения РККА. Вопрос, кому отправлять, как и через кого. Кому, нужно думать. Берия излишне подозрителен, пока поверит и примет меры, упустит все возможности. Армейцам? Да они своей разведке не верили, иначе немцев бы встретили не со спущенными штанами. Сталин замкнул всё на себя, и найти в его окружении адекватную личность очень сложно, к тому же я его в достаточной степени уважал и ценил, чтобы понять – отправлять нужно ему и только ему. Именно Сталин, когда проверит информацию, может принять требуемые меры по недопущению потерь. Самый страшный из них Киевский котёл, но и до этого сражений проигранных хватало.

Естественно, актуальной эта информация будет, пока история не изменится, но я и собираюсь её изменить и воевать дальше уже наудачу. Насчёт пересылки, то можно обычной почтой в Москву, Кремль, товарищу Иванову. Как это ни смешно звучит, но такой способ – один из самых надежных. Я не про то, что письмо может затеряться в пути, почтальон потеряет, или ещё что, но по прибытии в Кремль оно обязательно окажется на столе у Сталина. Я эту тему точно знаю. Один генерал так обратился через голову начальства, в результате он стал генерал-лейтенантом, комкором, а вот его начальству не поздоровилось, да и старые грешки вспомнились. Ушли на дивизии с корпусов и армий, с понижениями. Вот примерно так, а дальше будем играть. Курьеры будут разными людьми. Главное, сделать всё нужно так, чтобы они потом на меня не навели. Вот только как отправлять такие письма, если я буду находиться в

тылах наступающего вермахта? Нужно подумать. Есть пара идей, следует их развить.

Это по информации, которую я просто не могу не передать руководству страны. В одиночку, как это пытался сделать Сева, историю я не изменю, тут помощь нужна. Теперь стоит подумать о вживании в этот мир. Общаясь с братьями-фронтовиками, я немало наслушался о танковых рейдах по тылам отступающих немецких войск. Тут ситуация немного другая, но само дело схожее. Если у меня нет желания погибнуть в бесплодных атаках на окопавшегося противника, то почему бы с нуля не собрать такой механизированный отряд? Думаю, из всех командиров-танкистов такими знаниями обладаю один я. Теория, практики было мизер, но всё же знания имеются, голова у меня светлая, соответственно, командование я вполне потяну. Пока сам не попробую, не узнаю. То есть когда немцы уйдут дальше к Минску, я вполне смогу тут развернуться с дивизиями второй волны, крутятся вокруг них. Тут вопрос в том, как собрать отряд. Это самое сложное. Про технику я не говорю, тут я как раз проблем не видел. Зачем её собирать по обочинам, если можно навестить сборочный пункт немецких трофейщиков? Они сами всё, что нужно, соберут, а дальше следует отобрать то, что нам пригодится. Мне вот как будущему инженеру очень нравятся немецкие подвижные ремонтные мастерские. Пару машин бы я уволок.

Вот примерно такие планы у меня были на ближайший месяц. Как дальше пойдет, посмотрим по ситуации, всё же обычно планы заканчиваются с первым выстрелом, и дальше идёт импровизация. Я опытный, я знаю. Как оказалось, я будто в воду смотрел.

Обустроив лагерь, я пообедал, был одиннадцатый час, рановато, но я что-то проголодался. В это время, когда я закончил, где-то неподалёку немецкие бомбардировщики разбомбили нашу колонну на марше. Как я догадался? Простая логика. Пару раз надо мной мелькали силуэты двухмоторных бомбардировщиков. Я чувствовал сотрясение почвы, да и разрывы бомб слышал тоже, хотя лес частично и гасил их. Вокруг ничего серьёзного не было, соответственно, бомбили колонну на марше. Всё логично.

Мне даже стало интересно, правильно ли я предположил, поэтому решил проверить. Собравшись и замаскировав лагерь, направился в ту сторону, откуда слышалась бомбёжка. Шёл я не только из любопытства, но и с меркантильными целями. Как это и нехорошо осознавать, но мне нужна обувь, форма и оружие, а погибшие на дороге точно должны быть. Вот такой вот я плохой. Там наши

погибли, а я думаю, что смогу найти на месте бомбёжки. Уже перехожу на военные рельсы, но тут по-другому никак, всё равно когда-то начинать подготавливаться нужно.

Когда впереди показался просвет, я стал уже идти осторожно, всё так же поглядывая вокруг. Шуму на дороге хватало. Шла очередная колонна, по обочине топали уставшие солдаты, солнце так и играло на штыках, но и техника шла. В основном грузовики, видимо, снаряды везли, или что другое. Не людей точно. Осмотр дороги показал, что я всё же не ошибся. Стервятникам люфтваффе в этот раз попалась жирная цель, танковая колонна. Да ещё ладно бы из старых лёгких, на обочине застыли огромными махинами два KV-1, башня одного сползла на корму. Второй на вид был целым. Да и далековато до него было, чтобы определить это с точностью. Ещё от одного остались лишь куски металла и воронка, видимо прямое попадание усугубилось детонацией боезапаса. В стороне две «тридцатьчетвёрки» продолжали пачкать небо дымными столбами. Ещё у одной большой воронки лежала на боку третья, четвертая и пятая сползли в эту самую воронку. Только кормы машин виднелись и часть башни. Видимо, танки были серьёзно повреждены и их бросили. Это ещё не всё, воронок на поле и на самой дороге, да и вокруг хватало, так что горели также грузовики и даже несколько бронев автомобилей. Однако налёт не нанёс сильного ущерба. Думаю, колонна проходила этот участок на максимальной скорости, и просто обходила возникающие воронки и подбитые танки. То есть немцам было трудно бомбить. Поле было изрезано гусеницами танков и следами колёс машин. Кто-то подал отличную идею броситься врассыпную, и командиры подразделений ею воспользовались. Это хорошо.

На дороге ходило с три десятка красноармейцев, было четверо в комбезах танкистов, на это шлемофоны намекали. Они собирали убитых и складывали их на обочине. Длинная шеренга, надо сказать, получилась. Сотни там не было, но с пять десятков насчитать можно было. Тут не считаются те, кто исчез при прямом попадании, они навсегда останутся в списках пропавших без вести.

Приметив, что рядом под обрывом в кустах что-то поблёскивает на солнце, я убедился, что на меня никто не смотрит, и скатился с косогора. На опушке почти сразу был обрыв, а внизу густые заросли кустарника. За ними уже дорога. За дорогой болотистый луг, а траве блестела вода. Кстати, бэтэшка с дороги пропала, я не сразу её рассмотрел, замаскированную на опушке. Правда, вокруг никого не было, да и башенный люк был открыт. Нужно на обратном пути посмотреть, нет ли там кого.

Сверкал, как оказалось, разбитый кусок зеркала заднего вида в расстрелянной с воздуха «эмке». Именно расстрелянной. Несмотря на то что машину пятнали явно осколочные отверстия, но их было куда меньше, чем пулевых. Да и в крыше также имелось несколько. Кстати, осколочные отверстия были мелкими, видимо от небольшой бомбы, предположу, сброшенной с «мессера», тот потом и добил явно генеральскую машину. А бомба точно легла у левого борта, с этой стороны острые края повреждений были загнуты внутрь, а с другой стороны – наружу. Кстати, а кто внутри?

Я осторожно подкрался к машине. Несмотря на то что легковушка проложила просеку в кустарнике, спасаясь от обстрела с воздуха, с дороги нас не было видно, видимо, поэтому машину пока ещё и не обнаружили. В самой машине были четверо, все мертвы. Водитель в звании ефрейтора, лейтенант сидел рядом. На заднем сиденье находилось два майора. Один танкист, другой – майор интендантской службы, то есть интендант второго ранга, если на местные реалии перевести. Кстати, нужно будет достать методичку по знакам различия, что сейчас приняты. Я больше специализировался на тех, когда уже ввели погоны. Не скажу, что плаваю, но иногда теряюсь, так что требуется освежить память.

Больше всего меня заинтересовал танкист. Фигура один в один как у меня. В плечах точно, а по росту нужно выяснить. Открыв дверцу, я подхватил командира, он начал заваливаться на меня, осторожно вынес наружу и положил на траву, как будто боялся потревожить раны. Как раз этот майор не сильно пострадал, но всё равно форма была вся в крови. Ростом мы тоже были схожи, я даже расстроено зашипел, что форма попорчена. Обувь по размеру не подходила, так что я вытащил остальные тела и сложил их рядом, достал и стал изучать документы. Если интендант, его помощник техник-интендант второго ранга и водитель были из одной части, то танкист вообще из Киевского военного округа. Что-то тут часто встречаются командиры с Украины, даже странно. Про себя я не говорю, легенду генералу выложил, а тут кроме генерала мне ещё и майор с Украины встретился. Даже командировочное предписание было. Не отдыхал он, по службе тут появился. Остаётся только гадать, как он в этой «эмке» с интендантами оказался.

Первым делом я не сбором документов занялся, а осмотрел обувь всех четверых погибших. Снова нехорошо так говорить, но к счастью, подходящий размер нашёлся. Не совсем мой, сорок первый, но если хорошо намотать портянки, то вполне подойдёт. Сапоги были на вид новые, мало ношенные, видимо, лейтенант

недавно получил их со склада. Служебная обувь, пошитая в мастерской, не индивидуального пошива, как у его командира. Вот у того роскошные сапоги были, шил мастер своего дела. Жаль, у меня не сорок пятый, точно прихватил бы.

Сняв обувь, я замер, прислушиваясь. Мне показалось, неподалёку хрустнула ветка. Автоколонна прошла, стало тише, раздавался лишь многочисленный шум движения стрелков. Если меня тут в мародёрстве уличат, даже слушать не будут, пристрелят, так что я действительно старался быть внимателен и тот хруст уловил. Оставив сапоги вместе с портянками у переднего колеса машины со стороны пассажира, я вооружился пистолетом, взятым из кобуры интенданта, сюда я шёл с одним ножом, и скользнул в сторону источника шума. Нужно провести разведку. Кустарник не лес, видимость минимальна, но мне удалось найти источник шума. Всё оказалось просто: бойца из колонны, что шла по дороге, прихватило, и тот сидел в позе атакующего орла, сняв шаровары и прислонив к ветвям винтовку. Повезло, углубись он ещё метров на десять, мог бы рассмотреть меня. Однако, вернувшись, следует производить как можно меньше шума, чтобы тот меня не заметил и не проверил, что тут происходит.

Того, что просеку можно обнаружить с дороги, я уже не опасался – посмотрел, как перепуганный и, возможно, уже смертельно раненный водитель загнал машину в кустарник. Думаю, это произошло, когда он уже был мёртв. Извлекая водителя из салона, я едва смог разжать сведенные на баранке в предсмертной судороге пальцы. Так вот, машина не с дороги рванула в кустарник, а скатилась на обочину, чуть не врезавшись в косогор у опушки, и помчалась вдоль нее, пока не углубилась в лес, ломая тонкие деревца и ветви. Обнаружить можно, но трудно. Кстати, осматривая просеку, я на свежей земле, где «эмка» куст вывернула из земли, обнаружил нечёткий след сапога. Это что, значит, похоронная команда о машине знает, но пока им не до убитых? Странно, командиров должны в первую очередь выносить для захоронения.

Я уже собрался уходить, боец всё кряхтел на своём месте, когда вдруг заметил боковым зрением движение. Слегка скосив взгляд и стараясь замереть, я не сразу рассмотрел двух мужчин, что лежали на опушке кустарника. Один из них рассматривал дорогу в бинокль, другой контролировал бойца, который их не замечал. Оба были в нашей командирской форме, в фуражках. Того, что наблюдал за бойцом, я и рассмотрел, это он повернул голову в его сторону, вот движение я и уловил. А второго не сразу, кустарник скрывал, но сделал шаг в сторону, и второго углядеть смог в переплетении ветвей кустарника. Да и

листья создавали дополнительную маскировку. Меня они не заметили, тут повезло, я не производил шума. Не то чтобы я такой опытный ходок, просто смотрел, куда ставлю босые ноги. Как оказалось, не зря.

Кто были эти двое, я даже гадать не стал. Кто ещё будет тайком наблюдать за подразделениями Красной Армии? Диверсанты, кто же ещё, тем более они в нашей форме. Хм, а не они ли у машины с убитыми крутились? Вполне возможно, тогда всё складывается. Когда наблюдатель снова мельком посмотрел в сторону дороги, второй с биноклем так и так не отвлекался, я сделал шаг назад, чтобы тот не уловил моего движения. После того как я ушел из пределов видимости диверсантов и бойца, то развернулся и, осторожно ступая, вернулся к машине. Про диверсантов я не забывал, но просто так обстреливать их не стоит, выстрелы услышат, и набегут все, кто будет рядом, тогда прощай трофеи. Да и то, что с погибших командиров кто-то начал снимать детали формы, тоже обнаружат, как бы мне этого не приписали. Не хотелось бы. Вот соберусь, отнесу трофеи в лес и, вернувшись, завалю диверсантов, а потом бегом в лес, пусть тут командиры стрелковой колонны разбираются. Оставлять противника вот так не стоит. Да одни ли они здесь? Наверняка где-то рядом есть основная группа. Думаю, в лесу, мне повезло с ними не столкнуться.

Вернувшись к машине, я продолжил осмотр тел. Собрал документы, снял с обоих интендантов планшетки, в которые мельком заглянул, мне нужны были местные карты. К счастью, в обеих они были, причём со странными метками. Это меня заинтересовало, я стал читать сокращения, написанные рядом с метками, как вдруг меня озарило. Так это же указаны склады, что находятся вокруг. Ничего себе. На карте лейтенанта меток было куда меньше, а вот у майора их хватало. Судя по ним, вблизи было четыре склада, причём необорудованных, просто сгрузили под открытым небом, и всё. Один из складов находился неподалёку в лесу, в котором я устроился, только немного с другой стороны. Неудивительно, что я на него не наткнулся, лесной массив, на опушке которого я находился, был обширным. Тут армия затеряется, не то что склад. Причём это был ближайший, в этом лесу их было одиннадцать, судя по отметкам. Трофей ну очень замечательный, так что, сложив все карты, блокноты и писчие принадлежности в одну планшетку, вторую я вернул лейтенанту. У майора она поновее была. Вот оптики я опять не нашёл. Ничего, у меня ещё диверсанты имеются, а у них оптика точно есть, сам видел.

Закончив осматривать тела, документы убитых я вернул по карманам, не хочу, чтобы их считали пропавшими без вести, и стал осматривать машину. Карабин

водителя был на месте. Я его тоже достал и положил рядом с другим вооружением, снятым с погибших, вот это я уже забирал, ремень с подсумками с пояса водителя тоже снял. Патронов там было всего двадцать штук. Вот багажник порадовал меня чемоданом и двумя сидорами. Один из сидоров точно принадлежал водителю, солдатское там всё было, а второй даже не знаю кому, скорее всего, старшему интенданту. Главное, меня порадовал явно дорогой бритвенный набор с зеркальцем фирмы «Золинген». Ещё в багажнике были три солдатских котелка с крышками, но без столовых приборов. Мне они и не требовались, ложку я нашёл в сапоге у бойца. Когда я достал чемодан и открыл, то чуть не воскликнул: «Бинго!» Всё правильно, танкист не мог отправиться в командировку без тревожного чемоданчика, его-то я и обнаружил. Открыл и сразу увидел тёмно-зелёную дорожную комсоставскую ткань френча, под ним – синюю ткань галифе. Тут же и чистое исподнее. Судя по командировочному удостоверению, прибыл тот вчера днём, вот и не стал ничего менять, не успел запачкаться. Форма была новенькой, практически не ношенной, так что я сразу решил её померить, всё же мы с майором-танкистом имели схожие фигуры. Как оказалось, это было правильным и, главное, своевременным решением.

Скинув трофейную польскую одежду, я достал дорогое нательное бельё из чемодана и надел его. Точно как по мне сшито! Потом натянул синие бриджи и надел сапоги лейтенанта, намотав свежие портянки, я их нашёл тут же в чемодане. Только после этого я через голову надел френч и, застегнув пуговицы, затянул ремень, сгоняя складки френча назад, приправил тяжёлую кобуру с пистолетом на поясе. Ремешок через плечо тоже не пришлось подгонять, как я уж говорил, фигуры у нас были одинаковые. Ремень и кобура танкиста были. У обоих майоров были ТТ, а вот у лейтенанта наган. Фуражка танкиста не пострадала, чуть-чуть измаралась в крови, но отмыть было можно. Главное, что она пулями и осколками не пробита, как у интендантов. Размер подходил, так что я примерил её и, подойдя к зеркалу заднего вида, изучил, как выгляжу. Вполне серьёзно, сбрить бы щетину, но пока нет на это времени, и хоть на танцы.

Вернувшись к багажнику, я убрал всё самое ценное в чемодан и один из сидоров, котелки так все прихватил, нужная вещь. Даже ложку сунул за голенище сапога. В чемодан ушли и бритвенные принадлежности, и ещё много что по мелочи, включая ремни с кобурами интендантов и подсумками водителя. В сидор – котелки, немного продовольствия, что я нашёл в машине, жаль, одна банка была повреждена осколком, пришлось ножом вскрыть её и съесть тушёнку. В общем, когда я уже собрался уходить, причём убрав одежду, в которой пришёл, в сидор, чтобы посуда не звенела, как заметил, что у пролома,

оставленного «эмкой», мелькнуло несколько фигур. Похоже, бойцы, что занимались сбором погибших, нашли по следам легковую машину и сейчас появятся тут. Уйти я уже не успевал, заметят, однако пока был скрыт от них машиной. Поэтому быстро присел, достал из нагрудного кармана френча майора-танкиста все документы и вложил их себе в карман, мельком пробежавшись по ним, чтобы запомнить. Буду теперь командиром танкового полка майором Корневым Андреем Ивановичем, находящимся в командировке до двадцать восьмого июня.

Открыв чемодан, я выложил часть находок. Оставил только то, что принадлежало майору, ну и бритвенные принадлежности, сидор тоже положил в общую кучу, а чемодан отнёс немного в сторону, как будто я с ним пришёл и наткнулся на машину. Уже был слышен хруст нескольких тяжёлых шагов, когда я достал из своей кобуры пистолет и, слегка выглянув, чтобы три красноармейца меня заметили, прижал указательный палец к губам, намекая, чтобы те не производили шума, и махнул рукой, чтобы следовали за мной. Держа пистолет наизготовку, стал красться к лёжке диверсантов. Боец уже ушел, догоняя своё подразделение, а вот противник пока оставался на месте. Мельком обернувшись, я довольно кивнул. Все три бойца, сняв винтовки, так же крались за мной.

После этого я вскочил на ноги и заорал:

– Руки вверх! Держать их на виду, а не то стреляю!

Почти сразу я выстрелил. Если наблюдатель с биноклем замер, то второй, что его охранял, метнулся в сторону, пытаюсь вскинуть руку с револьвером, но почти сразу упал с простреленным плечом. Выстрелил я трижды: в плечо второму и две всадил в землю рядом с телом наблюдателя.

– Вяжите диверсантов! – крикнул я бойцам, что уже подбегали. – Похоже, это они навели бомбардировщики на колонну!

Ни на миг не сомневаясь, все трое пробежали мимо и навалились на диверсантов. Причём двое на раненого, тот успел перекинуть оружие в неповреждённую руку, а третий фиксировал наблюдателя с биноклем, разоружив его, но пока не связывая. А вот двум его напарникам было тяжело. Несмотря на ранение, диверсант был настоящим лосем, они ему руку

выкручивали, пытаюсь вырвать наган, отчего произошло несколько произвольных выстрелов, благо ушедших в землю, но тот ревел на немецком и не давался. Причём шумели мы не одни, где-то за спиной с опушки бил пулемёт – ДП, судя по звуку и лязгу. Первая очередь хлестнула у меня над головой, так что я упал, прикрыв голову руками. Но больше не слышно удара пуль по веткам и стволам, видимо пулеметчик, что прикрывал наблюдателей, стрелял по дороге, оттуда активно отвечали. Привстав и осмотревшись, я подбежал к бойцам, помогая им и командуя. Револьвер они уже вырвали, при этом сломав руку немцу, а это точно был немец, после этого ремнями связали руки обоих. Даже начали перевязывать рану подстреленному мной. Я же подхватил отлетевший в сторону бинокль и повесил его на шею. Чехла к нему не было, но и так неплохо.

Пулеметчик, выпустив один диск, похоже, ушёл, сообразив, что прикрывать некого, мы их взяли, так что народу в кустарник набежало изрядно. До роты бойцов да с десятков командиров. Как оказалось, по шпалам я был самым старшим в этом курятнике. Пришлось соответствовать. Сразу же отправил усиленную ручными пулемётами группу преследовать диверсантов, приказал вызвать особистов и передать им пойманных диверсантов. Также велел осмотреть машину и погибших командиров, с почестями похоронить их. Намёками дал понять, что мародёрили у машины диверсанты. Свалил на них всё это. Ну, и одного бойца послал за своим чемоданом, а то мало ли его в общую кучу снесут.

Мои команды исполнялись достаточно быстро и оперативно, мне нравилось, что они не вызывали никаких сомнений. Особисты прибыли, когда я заканчивал допрашивать диверсантов, выясняя местоположение лагеря, который находился совсем рядом. При допросе присутствовал капитан Малкин, командир стрелкового батальона, который как раз и попал под обстрел прикрытия наблюдателей. Так что он отправил дополнительную группу бойцов уже в лагерь противника, первая группа ещё не вернулась. С этой группой ушёл один из особистов, другие изучали, что тут произошло, приняв под охрану диверсантов. Второй, кстати, поляком оказался.

Вот особисты миндальничать не стали, проверили мои документы и командировочное удостоверение. Благо ни там, ни там фото не было. Я вообще дивлюсь на такое. От фронтовиков, конечно, слышал, что даже у командиров в документах фотографий не было, а тут сам убедился. На личном опыте. Опрашивающий меня сотрудник особого отдела стрелковой дивизии, что

передвигалась по этой дороге, задал несколько уточняющих вопросов. Например, имена командиров дивизии, где командовал полком погибший майор, личностью которого мне по случайности пришлось воспользоваться. Конечно, поглядывал на меня удивлённо, мол, молод я слишком для такого звания и должности, но особо не комментировал. Тут многих можно вспомнить, кто через несколько званий перепрыгнул. Не думаю, что он знал командиров дивизии совершенно другого военного округа, больше по привычке спрашивал, изучая, как я отвечаю, не спотыкаюсь ли на ответах. Не спотыкался, можно проверить. Кто командовал этой дивизией в начале войны, я был в курсе. Кстати, вся дивизия сгинула у границы, мотаясь по дорогам и тратя ресурс, теряя технику и людей, это я тоже знал.

– Всё в порядке, товарищ майор, – протягивая мне документы, сказал следователь, что записывал мои показания.

Пришлось, конечно, немного нафантазировать, но зато мой рассказ хорошо ложился на увиденное тут. В общем, я отошёл в кусты до ветру, по большой надобности, по уточнению для следователя. Наблюдателей заметил сразу, но не подавал виду, хотя они видели, как я заседал. Моё внимание привлекли блики на стекле расстрелянной машины. Закончив дела, пошёл посмотреть, что там бликует, обнаружил машину и рядом сложенные тела, а также кучу собранного вооружения и трофеев. А тут появились бойцы, вот я и решил брать диверсантов.

– Знаешь, лейтенант, – сказал я, убирая документы в нагрудный карман френча, – что было сложнее всего? Срать под любопытными взглядами немцев.

– Да уж, – хмыкнул тот.

В это время от дороги послышался шум от большой группы людей, через который хорошо пробивался командный бас. Шум подъехавших машин я слышал ранее, теперь, похоже, тут появятся те, кто приехал на них. Это оказалось командование и штаб стрелковой дивизии. Комдив в звании полковника, это его бас раздавался до этого, быстро выяснил, что тут произошло, осмотрел диверсантов и выслушал доклад комбата – только что вернулись обе поисковые группы. Диверсантов они не встретили, те ушли. По возвращении одна из групп обнаружила у замаскированного на опушке танка убитых ножами танкистов. Похоже, это тоже работа диверсантов. Да и обстреливали они батальонную колонну захваченным пулемётом танкистов, его тут же брошенным на огневой

позиции нашли.

Отдав приказ батальону продолжить движение, полковник подошёл ко мне.

– Ну, здравствуй, герой, – пожал он мне руку. – Молодец, что этих тварей углядел.

– По случайности, товарищ полковник, – смущённо улыбнулся я, расслышав едва слышный смешок следователя.

– Кто такой?

Представился, удивив комдива, что я вообще не местный, да ещё командировочный. Тот на миг задумался, сняв фуражку и поглаживая свою гладкую, как бильярдный шар, голову и вдруг просиял. Повернувшись, он велел адъютанту:

– Давай сюда потеряшек. Начштабу передай, чтобы тоже подошёл сюда, – после чего повернулся ко мне: – Про учебные сборы в войсках слышал?

– Конечно, товарищ полковник. Около села, где располагается штаб моего полка такие партизаны стояли. Западников там много было.

– Почему партизаны? – удивился тот.

– А кто они ещё? Нагнали толпу гражданского народа и пытаются что-то сделать. Ни формы нормальной, ни оружия. Одеты кто во что горазд. Натуральные партизаны.

– Ха, действительно партизаны, – гулко хохотнув, хлопнул себя по ляжкам комдив. – Так вот, тут рядом лагерь этих партизан. Командир у них майор Злобин, ни рыба ни мясо, хозяйственник. С началом войны про них забыли, машина с продовольствием не пришла. Майор отправил одного из командиров запаса в сопровождении двух бойцов. Чтобы выяснить, что им делать, связь с командованием пропала, а те наткнулись на нас. Хотел своего человека выделить, а тут ты, майор, удачно подвернулся...

– Товарищ полковник, мне бы в свою часть вернуться, – протянул я. Становиться командиром призванных на сборы я не хотел категорически.

– Твоя дивизия у границы стоит?

– Да, товарищ полковник, в прикрытии.

– Значит, уже воюет, – правильно заключил комдив. – Майор, приказы не обсуждаются, а выполняются... Да ты не беспокойся, пару дней покомандуешь, пока мы немцев поганой метлой не выкинем, а потом получишь смену и вернёшься в свою часть. Я даже насчёт самолёта договорюсь. Так что принимай командование.

– Есть принять командование, – как можно бодрее ответил я и, вытянувшись, козырнул.

Комдив уже потерял ко мне интерес и отдавал приказы своему начштаба в звании подполковника, насчёт нас. Он велел написать приказ, по которому я временно становлюсь командиром лагеря учебных сборов. Кроме того, мне из автобата дивизии выделялось две полуторки на пять дней. Ещё начштаба должен был выписать наряды на продовольственные склады, но только на эти сутки, больше дивизия выделить не могла. Дальше мне самому крутиться придётся, хотя комдив как раз был уверен, что к тому моменту будет смена. Точно идиот, вот из-за таких дуболомов мы приграничные сражения и проиграли.

Отдав необходимые распоряжения, комдив направился к дороге, начштаба приказал мне следовать за ним, чтобы получить нужные наряды, их ещё выписать нужно, а писарь находился у штабной колонны.

– Иду за вами, товарищ подполковник, – кивнул я, после чего повернулся к своим фактически первым подчинённым.

Мне их уже представили. Что ж, печальное зрелище. Командир в звании старшего лейтенанта, на котором форма сидела как на корове седло, даже оружия не имел, пояс был пустой, двое бойцов, что были с ним, вообще по гражданке были, что уж про оружие говорить. Нужно прояснить ситуацию насчёт этого.

– Оружия нет? – спросил я у старлея.

– Нет, товарищ майор. На весь лагерь всего тридцать винтовок, один ручной пулемёт и один станковый для изучения. Боеприпасов очень мало. Винтовки используются для караулов. Форму успели выдать только комсоставу, да и то не всему. Личное оружие получили три командира. Мне не досталось.

– Кто вы по профессии? Меня интересуют военные специальности и гражданские.

– По военной я прохожу учёбу как заместитель начальника штаба полка. По гражданской – учитель математики районной школы.

– Западников в лагере много?

– Вообще нет, – удивил тот меня. – Мы из средней и центральной полосы Советского Союза.

– Ясно. Видите машину? Берёте бойцов, забирайте всё оружие и боеприпасы. Там сидор, тоже прихватите. Диверсанты трофеи собирали. Мы их заберём. Оружие одного из погибших командиров заберите себе, карабин выделите одному из бойцов. После этого следуйте к штабной колонне, найдёте меня там. Всё, выполняйте.

– Есть выполнять, – изобразив что-то вроде козыряния, вздохнул старлей и повёл бойцов к машине, где работала похоронная команда. Часть погибших они уже вынесли, осталось двое, но трофеи, как я видел, пока не трогали.

Подхватив чемодан, стоявший у правой ноги, я заторопился к дороге. Нужно получить то, что мне должны выдать. И угораздило же меня так влипнуть! Лишь одно порадовало, если бы не сложившаяся ситуация, то скорее всего, этот день я бы не пережил, при мысли об этом по спине пробегал холодок. Думаю, прикрытие наблюдателей прекрасно видело, как я из леса перебрался в кустарник и мародёрил у машины. Выходит, по возвращении меня могли перехватить. Да я уверен, взяли бы меня. Тихо сняли бы ножом, и «ам» бы не сказал, как танкисты. Когда я к машине шёл, перехватить, похоже, они меня не успели, а вот на обратном пути не оплошали бы. Так что всё, что ни происходит,

всё к лучшему. Однако такой груз, что навесили на меня, всё равно меня не радовал. Где я, а где эти партизаны!

Выйдя из кустарника, я покосился в сторону работающей похоронной команды, подумав, что нужно собрать вооружение для теперь моих бойцов и командиров, после чего двинул к штабному грузовику, рядом с которым стоял начальник штаба дивизии. Пора приниматься за дело. Блин, а у меня ведь в лесу в схроне маузер спрятанный лежит, как его забрать?

Мыслей просто свалить куда подальше, маханув на всё рукой, у меня даже не мелькнуло. Этих партизан ждала или горечь плена, или гибель. Может, кто действительно партизанить будет, а возможно, сможет прорваться к своим вместе с отступающими подразделениями Красной Армии. Всякое может случиться, однако все результаты хорошими не назовёшь. Могу ли я им дать шанс выжить? При некоторой удаче, вполне. Главное сразу жёстко себя поставить, показать возможности и лишиться иллюзий о несокрушимости советской армии, чтобы шевелились пошустрее, зная, что помощи не будет и вся надежда на них. Хм, а я ведь не узнал, сколько там этих партизан. Да вряд ли больше пары сотен, так что справимся.

– Товарищ подполковник, вы не в курсе, сколько всего призванных на сборы проходят обучение в лагере? – решил я на всякий случай уточнить у начштаба.

– Нет, мне это точно не известно, – отрицательно мотнул тот головой, подписывая бланки, подаваемые писарем.

– Ясно.

Подполковник, наконец, закончил, и передал мне подписанные бланки с пояснениями. Кстати, странно, продовольствия выписано чуть ли не на тысячу человек. Всю стопку я убрал в планшет, продолжавший висеть на боку. Напутствий услышать мне не довелось, лишь пожелание удачи. Штабная колонна и так тут задержалась, зенитное прикрытие у них было слабое, на двух машинах счетверённые «максимы», так что комдив поспешил догонять подразделения дивизии.

Когда колонна, поднимая пыль, пошла дальше, я отошёл в сторону и отряхнул френч. Рядом с моим чемоданом стояли все три партизана. У одного бойца

застёгнутый пояс с подсумками криво висел – я машинально отметил, – и на плече карабин. Старлей обзавёлся личным оружием. Судя по кобуре, выбрал он, похоже, наган. Как они подошли, я видел, лишь отмахнулся от старлея – велел обождать. Начштаба как раз передавал бланки, поясняя, на каких складах можно получить снаряжение. Нормально, оба склада у меня были на карте.

– Докладывайте, что забрали, как всё прошло, – велел я.

В принципе, можно было и не докладывать, я всё видел. Даже сидор, что висел за спиной второго, безоружного пока бойца. Кобуру с пистолетом старшего интенданта старлей держал в руках. Выслушал доклад, а на том моменте, когда сержант из похоронной команды не хотел отдавать трофеи, спросил:

– Вы в курсе количества бойцов и командиров в вашем лагере, призванных на сборы?

– Весь наличный состав в лагере призван на сборы, – браво отрапортовал тридцатисемилетний учитель. – Кадровых у нас нет.

– Количество, – коротко напомнил я.

– Списочный состав по пересчёту сегодня утром – тысяча шестьсот двадцать шесть бойцов и командиров.

– Сколько? – ошарашенно пробормотал я, мысленно костеря комдива. Классно он скинул с себя такую задницу!

Старлей повторил, разглядывая моё вытягивающееся лицо.

– Ладно, – яростно потёр я колкую щетину на подбородке. – Разберемся. Вот что, старлей, ловите ближайшую попутку и езжайте в село Марьино, оно в двенадцати километрах. Там располагается штаб автобата стрелковой дивизии. Вот приказ на выделение нам двух машин с водителями и запасами топлива. По этим нарядам получите продовольствие на весь лагерь. Полевые кухни в лагере есть?

– Есть, товарищ майор. Ротные, двенадцать штук.

– «Единиц» нужно говорить. Куда столько?

– Ожидалось пополнение, да и кадровые командиры должны были прибыть.

– Ясно. Значит, получаете на складе продовольствие, выдвигаетесь к лагерю. Сейчас внимательно слушайте, если пропустите мимо ушей, это может стоить вам жизни. Когда выдвинетесь обратно, ежайте хоть на подножке, но крутите головой во все стороны. Увидите точки в небе, загоняйте машины под любое дерево и от них в сторону, залегайте в укрытиях. Как самолёты пролетят, двигаетесь дальше. В этом случае шансы добраться до лагеря повышаются. С собой возьмёте бойца с карабином, будет охранять вас и груз. Второй боец дорогу до лагеря знает?

– Красноармеец Бабочкин, товарищ майор, – вытянулся тот. – Разберёмся.

– Ясно, сам по карте лагерь найду, – вздохнул я и посмотрел на старлея. – Ведите себя уверенно, требуйте выдать всё, что нужно. В случае необходимости разрешаю применять оружие... Не пугайтесь так. Стреляйте в воздух, обычно это хорошо прочищает мозги интендантам. Всё, свободны. Вот колонна идёт в тыл, с ней доедете.

Подняв руку, я остановил переднюю машину и, поговорив со старшим колонны, договорился, что они подбросят Головина с бойцом до Марьино. Старлея звали Иваном Головиным. Перед тем как забраться в кузов одной из машин, тот передал свёрток из ремня и кобуры оставшемуся бойцу. Тот подхватил чемодан и последовал за мной. Направлялись мы в сторону опушки. Мимо позиции пулемётчика-диверсанта, где блестели латунью стреляные гильзы, я прошёл к танку. Танкистов уже не было, видел, как отсюда несли убитых на носилках к общей братской могиле. Велел бойцу отдыхать и быстро осмотрел танк. Замок и прицел на месте, боезапас полный. Покрутив туда-сюда башней, проверил башенный пулемёт, он был на месте, и довольно кивнул. Перед тем как вылезти, я выкинул через люк мехвода свёрнутый тюк запасного комбинезона и шлемофон.

Выбравшись, я задумчиво осмотрел бойца и подозревал его. Тридцатилетний рубаха-парень по виду, особенно роскошный чуб на это намекал. Бабочкин тут же подскочил, вытягиваясь и преданно поедая меня глазами. Хмыкнув, я сказал:

– Значит, слушайте приказ. Красноармеец Бабочкин, вам поручается ответственное задание. Вы будете тут изображать танкиста и охранять танк до подхода боевого подразделения. То есть помощи. Сейчас вы снимете свою одежду и наденете комбинезон, а также шлемофон, перепоясаетесь командирским ремнём. Это временно, позже получите другое оружие. Пока меня не будет, ваша задача – подготовить огневые позиции. Лопата на танке есть, позиции я вам размечу. Нужно будет вырыть окопчики для стрельбы лёжа и пару пулёмтных позиций. Причём замаскированных. Пока переодевайтесь, а я прогуляюсь до похоронной команды.

Оставив бойца, я сбежал по косогору – танк на опушку подняли выше, судя по следам гусениц, там плавный спуск был – и, пройдя кустарник, вышел на дорогу. Захоронением занимался старшина, командовал двумя десятками бойцов. Он оказался вполне адекватным и на мою просьбу кивнул. За оружием, собранным ими, должна была прибыть машина, но её всё не было. Так что он не возражал, если всё собранное снесут на пушку к танку. Боеприпасы туда же. По подсчётам старшины, было сорок три винтовки Мосина, две СВТ, три карабина Мосина, два ДП, но один не рабочий, повреждены механизмы перезарядки. Пистолетов было три, револьверов не было. Пожав старшине руку – тот уже отрядил двух бойцов для переноски вооружения и боеприпасов на опушку, – я сказал ему:

– Информация секретная, но вижу, ты адекватный. Немцы заканчивают перемалывать наши войска у границы. Тут они будут или сегодня вечером, или завтра утром. Имей это в виду.

– Ясно, товарищ майор, – удивлённо пробормотал тот. – Мы часа через три уходим. Дальше в трёх километрах ещё одна обстрелянная колонна. Убитые на обочине сложены. Мне поставлена задача их похоронить.

– Тогда держи одного бойца всегда в наблюдении и подготовь заранее укрытия, хотя бы окопчик, чтобы вас врасплох не застали. Прощай, старшина.

– Прощайте, товарищ майор.

Подхватив ДП и сидор с запасными дисками, чтобы не идти обратно с пустыми руками, я энергично зашагал к опушке. Бойцы одну ходку уже сделали, шли по второй. Боеприпасы были в основном в подсумках, снятых с убитых красноармейцев, но было и несколько ящиков, включая два с гранатами.

Оказалось, около одного из грузовиков рванула бомба, и взрывной волной развалило полуторку. Часть раскиданного содержимого собрали проходящие колонны, но что-то осталось, всё это сносили на опушку. Боеприпасы, особенно патроны в цинках, меня порадовали. Не будет патронного голода в случае засады, а я был уверен, что до неё дойдёт.

Вернувшись к танку, я передал бойцу банку с рыбными консервами и слегка зачерствевший хлеб, а то он с утра не ел, да и тогда была жидкая каша. В лагере, как я говорил, были проблемы с продовольствием, утром машина не пришла. Каждый день привозили продовольствие, а тут как отрезало. То, что началась война, командиры в лагере понимали, но были растеряны, не знали, что им делать. Именно поэтому Злобин и отправил Головина на разведку. Вот так я и был назначен их командиром.

Пока Бабочкин быстро насыщался, я отобрал из кучи вооружения карабин в приличном состоянии, патронташ и передал их бойцу, забрав у него пистолет. Поспешил я с ним. Убедившись, что тот с оружием управляется достаточно уверенно, но без ловкости, присущей кадровым бойцам, стал ходить с красноармейцем по опушке, и тот по моим указаниям размечал будущие стрелковые ячейки. Естественно, полнопрофильные окопы ему было не подготовить, но пусть хоть начнёт. Я разметил позиции для пятидесяти стрелков и двух пулемётных расчётов. Всё бойцу одному не осилить, но добравшись до лагеря, я вышлю ему помощь, заодно вооружу добытым оружием. Гул канонады от границы заметно приблизился. Так что прежде чем уйти, я прислушался, прикидывая, сколько у нас времени. Думаю, сегодня немцы не появятся. Им добить приграничные части нужно, да те, что выдвинулись на прикрытие, вроде той дивизии, с комдивом которой мне удалось познакомиться.

Всё же перед уходом я раскулачил бойца. Забрал из его теперь сидора один котелок – посуда хорошая, мне тоже пригодится. Котелок без проблем уместился в чемодане, и я направился вглубь леса. Обходить массив смысла не было, напрямую быстрее. Тем более надо по пути в схрон заглянуть, сидор забрать. На ходу я достал свободной рукой пистолет из кобуры и убрал его в карман. Надо чуть позже перезарядить его, а то как выпустил три пули, так и не трогал, я уж не говорю про чистку. А из кармана легче и быстрее достать при определённой сноровке, тоже может пригодиться.

Не пригодился. Заглянув в схрон, я забрал сидор с вещами, повесил его за спину и двинул дальше, всё так же шагая с чемоданом в руке. Я особо не удивился, что

спокойно, без окриков прошёл на территорию лагеря. С интересом осматриваясь, сразу двинул к плацу. Стоящие в линейку палатки, подразделения на учёбе – да, народу тут хватало. Но все по гражданке, что было непривычно.

– Боец, ко мне, – приказал я одному бегущему куда-то мужчине в пиджаке, лет тридцати пяти на вид.

Тот выполнил приказ. Не знаю, что за командир Злобин, но вымуштрованы «партизаны» вполне на уровне. В смысле приказы командиров выполнялись, даже незнакомых.

– Красноармеец Силин, – козырнул тот, кинул руку к кепке.

– Прежде всего, красноармеец Силин, ты должен был задержать незнакомо-го командира, неизвестно как попавшего в ваше распоряжение. Мне уже приходилось встречаться с немецкими диверсантами, обряженными в нашу форму. Четверых так лично пристрелил. Надеюсь, ты всех командиров в лицо знаешь?

– За две недели всех узнал, товарищ майор.

– В следующий раз будь внимателен, имей в виду диверсантов. Веди к Злобину.

Боец, изредка поглядывая на меня, провёл к большой штабной палатке, где передал с рук на руки дежурному командиру. По виду в лагере был порядок: наряды, учёба – всё как положено, даже стенды с политинформацией, как и дежурный командир на месте. Он-то меня и встретил. Злобин искренне обрадовался, узнав, что я прибыл в лагерь на должность командира. Назвать это сборище частью, боевым подразделением у меня язык не повернётся, лагерь он и есть лагерь. Изучив приказ, подписанный комдивом, дежурный только согласно кивнул. Я сообщил, где Головин с бойцами, и что если ничего серьёзного не случится, то через час обе машины с продовольствием должны быть тут.

– Заливать в котлы воду? – тут же спросил Злобин.

– Да, можете подготавливать, отдайте приказ.

После того как приказ был отдан, я осмотрел командиров, что находились в палатке, меня с ними уже познакомили, и попросил майора:

- Сообщите штатный состав подразделений.

- На базе лагеря было сформировано десять стрелковых рот по сто пятьдесят бойцов в каждой.

- Но это стрелковые роты, а мне нужны хозяйственные подразделения, сапёрные, в конце концов.

- Приказа формировать подобные подразделения не было, - немного виновато пожал плечами Злобин. - Нас же на три месяца призвали, изучаем оружие, устав, ведём тренировки, строевую. Получаем политинформацию.

- Ясно, - задумчиво протёр я подбородок. - С другой стороны, даже хорошо, что у вас тут так сложилось. Вы теперь для меня что тот пластилин, лепи, что хочешь. Ладно, с этим разберёмся чуть позже. Сейчас мне нужен комроты со следующими качествами: исполнитель, но без инициативы, имеет хорошо подготовленное подразделение.

- Пожалуй, старший лейтенант Зацепин подходит под это описание. Да и рота у него одна из лучших. Очень въедливый он.

- Вызовите всех командиров на совещание, Зацепина первым. У меня для него отдельное задание.

Пока командиры собирались, всего было семнадцать от младшего лейтенанта до майора, а также три политработника - младший политрук, политрук и старший политрук, - я расстелил на столе карту, добытую у интендантов. Ту, которая с наименьшими отметками.

- Товарищ майор, старший лейтенант Зацепин по вашему приказу прибыл, - козырнув, доложил молодящийся мужчина лет тридцати.

- Проходите, лейтенант, - подозвал я. - Карту читаете? Отлично. Слушайте приказ. Сейчас поднимаете свою роту по боевой тревоге и выдвигаетесь сюда.

Тут у замаскированного танка находится красноармеец Бабочкин, что на данный момент должен охранять танк, а также рыть стрелковые ячейки для стрельбы лёжа. Ваша задача – закончить оборудование огневых позиций. Рядом склад с вооружением и боеприпасами. Вооружите примерно половину своей роты. После этого на опушку не выходить, позиции не демаскировать, ожидать меня. Выставить двух наблюдателей, замаскировать их, чтобы не было видно с дороги. Когда появятся немцы, отступить, огня не открывать, ожидать меня. Ваша позиция засадная, задача – остановить противника любыми путями не стоит, только нанести максимально большие потери в людях и технике, а это может произойти только во время засады. Я прибуду к месту часа через три, до наступления темноты. Всё ясно? Вопросы?

– Ясно, товарищ майор. Вопросы имеются. Мои люди не кормлены с утра, только что закончились тяжёлые тренировки на спортплощадке.

– Меня радует, что вы заботитесь о своих подчинённых, так держать. Люди выдержат. Насчёт продовольствия. По прибытии на место отправьте обратно пять бойцов за сухпаем. Это всё, что я могу вам пообещать. Выступить вы должны через десять минут. Это ещё не всё. Постройте роту и опросите бойцов. Мне нужны плотники, водители, механики, техники. Если таковые найдутся, направьте их в распоряжение штаба. Всё, на этом свободны.

Зацепин поспешил выйти, а я услышал несколько возмущённый вопрос политрука:

– Товарищ майор, вы уверены, что немцы будут тут?

Вздыхнув – придётся много говорить и объяснять, нужно сразу расставить акценты, – я ответил:

– Я вас не сильно обрадую. Немцы уже здесь. Добив сопротивление наших войск у границы, немцы обтекают этот лес с обеих сторон. Сил организовать засады на обеих дорогах у меня пока нет, но на одной они кровью умоются, будьте уверены.

– Но наша Красная Армия...

- Вы знаете, товарищ политрук, что в Советском Союзе армии нет? То, что есть, это одно название.

- Да как вы смеете!.. - вскочил тот с красным от ярости лицом.

- Смею, юноша. Ещё как смею, - усмехнулся я, поглядев на «юношу», который на несколько лет был старше меня. Да я по возрасту тут вообще самый младший.

Политрука удержали его соседи и, немного успокоив, усадили на место, а я, дождавшись, когда гомон стихнет, облокотился о стол, закинув ногу на ногу, и весело осмотрел присутствующих.

- Хотелось бы услышать ваши мнения о той истории, что сейчас вам расскажу, попрошу ответить честно, что думаете. Кстати, случай этот не единичный. Так вот, обычное подразделение Красной Армии, возьмём, например, стрелковый батальон. Имеются четыре командира роты, трое - стрелковых рот, и один, например, пулемётной роты. Командир третьей стрелковой роты, молодой, активный, желает сделать свою роту лучшей. Полученный боевой опыт в одном из конфликтов даёт ему знания, что и как нужно делать. Его рота, в отличие от других, постоянно то на полигоне отрабатывает оборону или атаку, то совершает марши, то на стрельбище, то на уроках по тактике. Рота действительно становится лучшей, и в случае боевых действий шансов выжить у бойцов этой роты куда больше, чем у других, так как их действительно готовили к войне. Теперь вопрос. Какие были последствия такого обучения для командира роты? Можете озвучивать даже самые безумные предположения.

- Был награждён? - снова успел первым шустрый политрук.

- Ещё версии? - усмехнулся я.

После этого они посыпались градом, но мало чем отличались от идеи политрука.

- Холодно, товарищи командиры запаса. Всё куда проще, и я бы даже сказал, в наихудшем варианте. Один из бойцов этой роты, решив, что их слишком нагружают, глядя на другие подразделения батальона, пошёл жаловаться в политуправление дивизии. Там ему обрадовались, ещё бы, такой случай поставить строевых командиров на место, и раздули дело. Мол, командир - это такой же человек, как и бойцы, он должен быть вместе с ними, делить всё, а не

командовать по-старорежимному. Например, зачем он заставлял рыть полнопрофильные окопы на полигоне вместо политически правильных стрелковых ячеек? Боец был доволен, с тех пор вся его рота в основном отдыхала, занималась строевой, политинформацией и раз в месяц выезжала на полигон пострелять. В общем, как у всех. А что с командиром роты? А командир этой роты был понижен в звании, а чуть позже уволен в запас, чтобы не мозолил глаза. Естественно, это видели другие командиры. Чтобы не попасть под такую же гребёнку, они вели себя тише воды ниже травы, стараясь ничем не выделяться, в результате боевые возможности подразделений неуклонно падали. Теперь бойцы батальона умели отлично маршировать, бить штыком чучело, стрелять куда-то в сторону мишени и знали всё о политике партии и Советского Союза. Встаёт вопрос, если наша стрелковая дивизия полностью укомплектована такими командирами и бойцами, сколько она продержится, например, против обычного пехотного батальона немцев? Не торопитесь отвечать, вопрос с подковыркой.

– Недолго? – неуверенно спросил Злобин, который, как и все командиры, очень внимательно слушал меня.

– Очень недолго. Чтобы прояснить эту ситуацию, поясню. В Красной Армии командиры принадлежат двум формациям: новой и старой. Естественно, про старую вы знаете. Это командиры, прошедшую лихую Гражданскую войну и меряющие всё теми временами, считают всё новое хуже старого. У них, конечно же, имеются последователи, причём большинство. У меня тут всегда возникает желание спросить, почему же тогда они не используют пушки времён Петра Первого, с ядрами, а переходят на новые системы? Новой формации – это командиры, получившие боевой опыт и понимающие, что старые методы на сегодняшний день не жизнеспособны. Взять, например, меня, я прошёл Испанию, Финскую, конфликт с Японией. Только Польский поход пропустил, на курсах был. Однако, к сожалению, нас, а я отношусь к командирам новой формации, меньшинство, поэтому в армии царит обучение в стиле старых традиций – с шашкой наголо на танк. Тактику и стратегию считают слишком заумной гадостью, проще так с голым задом атаковать пулемёты... Я не слишком сложно говорю?

– Нет, всё понятно, – мотнул головой Злобин.

– Так вот... – тут я прервался. В палатку забежал сержант, начальник поста охраны у въезда в лагерь, он сообщил, что прибыло не две, а три машины вместе

со старшим лейтенантом Головиным.

Дежурный командир вышел отдать распоряжение готовить ужин, а я продолжил. Чуть позже к нам присоединился Головин и занял свободное место на одной из скамеек.

– Теперь по сражению между стрелковой дивизией и пехотным полком противника. Возьмём для примера встречный бой. Оба подразделения встретились лоб в лоб, что обычная ситуация на данный момент у границы. Действовать немцы будут так: передовая рота немедленно заляжет и приготовит пулемёты, пока командир батальона разворачивает другие роты, создавая оборону. Командир передового подразделения советской дивизии прикажет атаковать залёгшего противника широким строем, выставив вперёд штыки. Ничего другого не умеет. В училище-то учили, но использовать свои знания он не посмеет, могут наказать. Пересыщенность пулемётами в немецких подразделениях такова, что атакующий батальон положат до того, как бойцы добегут до позиций немцев. Потом рота рывком уходит вперёд и снова залегает, ожидая следующего подразделения русских, пока тыловые подразделения обходят перебитых русских и добивают раненых.

– Но позвольте, – снова вскочил тот же политрук, – немецкие рабочие встанут стеной...

– Не стоит говорить о том, что вы не знаете. В простых пехотных подразделениях служат как раз обычные рабочие. Сейчас вам опишу ситуацию, типичную для немецких подразделений. Одна такая рота, сбив заслон наших войск, зашла в село и начала готовиться к ночлегу. Несколько солдат разных подразделений, схватив молодых девчат, изнасиловали их на сеновале. Возможно, после этого убили. Каково будет наказание?

– Трибунал? – неуверенно спросил политрук.

– Согласно приказу высшего командования вермахта, одобренному в Ставке Гитлера, в таком случае солдаты могут быть наказаны только дисциплинарно их командирами. То есть по желанию командира – может наказать, а может и нет. Пару нарядов даст на кухне, если крики девушки его разбудили, вот и всё. Этот приказ официальный, а немцы выполняют их в точности. Теперь спросите себя, когда немцы будут входить в наши населённые пункты, будут ли они

пользоваться своим правом победителя, зная, что им за это ничего не будете?

- Это ложь, такого просто не может быть!

- Какой умный политрук, - вздохнул я. - Вчера и сегодня я участвовал в схватках с немецкими диверсантами, допрашивать тоже пришлось. Эта тема меня заинтересовала. Я допрашивал диверсантов из трёх разных групп, и все трое говорили одно и то же. То, что вы сейчас услышали. Сговориться они, естественно, не могли, значит, это правда.

- Да мы их всех осудим, расстреляем!

- А за что? - с наигранным удивлением приподнял я брови. - Как раз простые немецкие солдаты себя виноватыми в совершённых воинских преступлениях не чувствуют. Для примера, вот вам, товарищ политрук, приказали расстрелять детей. Вывели их, построили в шеренгу, дали пулемёт, сказали, что это дети врагов народа, и приказали расстрелять. Ваши действия?

- Я не буду стрелять, это же дети.

- Странно, остатки совести у вас всё же имеются. А вот немецкий солдат расстреляет. Причем особо не задумываясь и не колеблясь. Не думайте, что это бездушный человек или такая сволочь, просто он не считает, что именно он совершает преступление. По мнению солдата, преступник тот, кто отдал этот приказ, а он лишь исполнитель. Так что когда таких солдат будут судить, они действительно не будут считать себя виноватыми в тех преступлениях, в которых их обвиняют, и станут искренне недоумевать, почему на расстрел ведут их, а не командиров. Менталитет у них такой. Немцы другие. Не надо их равнять с нами. Именно поэтому и мы им кажемся странными. Насчёт восстания рабочих. Я согласен с вами, они могут восстать, но только когда наши войска окружат Берлин, и их семьям будет угрожать гибель. Тогда для их спасения, возможно, они восстанут. Но никогда раньше. Победители, а немцы считают себя победителями, на стороне проигравших никогда не будут.

- Но ведь не все такие подонки.

- Не все, - согласился я с политруком. - Есть действительно нормальные люди, но их единицы.

– А наши командиры? Встречаются же хорошие.

– Есть, я отрицать не буду. Более того, скажу, что сейчас их время. На данный момент в основном в частях командиры мирного времени. Это те, кто делает карьеру, мало интересуясь военным делом и задвигая в стороны тех, кто воевать умеет. Такие карьеристы, положив свои подразделения, бегут в тыл, а на первое место выходят те, кого они в мирное время задвигали в сторону. Пустив дурную кровь, Красная Армия возродится. Но ей для этого нужно пройти через горечь поражений, отступления и слезы гражданского населения, оставляемого на оккупированной территории на поругание противнику. Когда наша армия возродится, естественно, мы погоним немца в его логово, но до этого ещё очень далеко.

– Сколько? – прямо спросил политрук.

– Не месяцы. Годы. Эта война не на один год. Командир я кадровый, и для меня всё вокруг открытая книга, однако описывать то, что я вижу, вам уже не буду. И так вывалил на вас слишком много всего, боюсь, у вас предохранители в мозгах перегорят. Просто вы должны знать: шансов выкинуть немцев обратно на их территорию сейчас нет, некому воевать, так что уже сегодня вечером или завтра немцы будут тут и двинут дальше. Немедленно уходить в тыл приказывать я не буду, да и не получал я такого приказа, и чтобы бить немцев, мне он не нужен. Чтобы бить супостата, мне нужно превратить вас в некое подобие боевых подразделений. Не тех, которые я собираюсь активно использовать, в лагере, как я посмотрел, молодых нет, темп боя вам не выдержать, даже я с трудом его выдерживаю, значит, будем создавать из вас подразделения прикрытия. Это стрелковый батальон нового штатного состава, пара отдельных пулемётных рот, миномётные подразделения, артиллерия, снайперы, сапёры, бронебойщики, зенитчики, авторота, ремрота, ну и хозрота, естественно. То есть я буду создавать из вас подразделения для защиты тыла, ну и прикрытия боевых подразделений, если где они получают плюху и им придётся отступить под вашу защиту.

– А боевые подразделения откуда возьмутся? – поинтересовался Злобин.

– Сформирую из бойцов и командиров, попавших в окружение. Немцы, разбив наши подразделения, двинут дальше, оставив отлов попавших в окружение разбитых частей советских войск дивизиям, что следуют за ними, так сказать,

второй волне. Вот из них я и сформирую боевые моторизованные подразделения.

– Что-то вы слишком много знаете, – снова буркнул политрук.

– Я кадровый командир новой формации, – улыбнулся я. – Я должен всё знать. Ладно, прояснив ситуацию и спустив вас на землю, чтобы не тешили себя несбыточными иллюзиями, что война быстро закончится, приступим к делу. Скоро ужин, а нам нужно сделать многое. Первое, сменить месторасположение лагеря. С воздуха его хорошо видно, странно, что вас до сих пор не разбомбили. Второе, усилить охрану лагеря. Я спокойно прошёл в лагерь, и на меня никто не обратил внимания, значит, на случай проникновения на территории лагеря должны ходить патрули, проверяя всех неизвестных. Ну, и наконец, главное – оснащение. В этом лесу находится около десяти складов, точнее одиннадцать. Горюче-смазочные нас пока не интересуют, хотя взвод бойцов для охраны послать следуют, старая охрана наверняка уже сбежала. К вечеру нужно менять расположение лагеря. Выслать на склады подразделения, чтобы получили форму, амуницию, оружие, боеприпасы и продовольствие. Давайте приступать...

И мы приступили. Командиры ещё обсуждали мою речь, некоторые покурить наружу для этого вышли, а мы со Злобиным и его штабными стали переписывать штаты лагеря, я собрался из этих партизан создать нормальное подразделение, часть Красной Армии. Благодаря полному отсутствию представителей западных областей, шанс был немалый. Кстати, интересное подразделение. Первым делом я стал формировать стрелковый батальон по штатам сорок пятого года, но перед этим послал три роты пока местного формирования к складам, выдав им бланки на получение разных нарядов, на случай если охрана на месте. Бланков у меня хватало, получил их вместе с печатью от погибшего интенданта. Написать, что нужно, поставить печать и с этим нарядами направить роты к нужным складам, мне труда не составило.

Кстати, Головин долго в штабной палатке не просидел. Как машины были разгружены, с новыми нарядами, но уже от меня, он поехал обратно к складам, продовольствие нам ещё было нужно, у меня тут огромная куча народа, а их всех кормить нужно, причём не раз в день. Да, в лесу два склада с продовольствием, но пока их побережём, с окружных будем брать, как это Головин в пошлый раз сделал. Он уже доложил, как они ехали, мои подсказки пригодились, дважды удавалось уйти от обстрела с воздуха, и люди и техника целые. Заодно узнал, откуда третья машина, выяснилось, что приبلудная. Водитель потерялся, вот Головин и прибрал его вместе с машиной. Молодец, не

растерялся. Кстати, Головина я назначил на миномётную батарею, вернется, вступит в должность. С его знаниями в математике ничего лучше мне было не подобрать. Пусть учится и осваивает новое для себя дело.

Приятно было видеть работающий штаб, бойцы и командиры бегали, кричали, подзывая посыльных, командовали. Лагерь наполовину опустел, роты получали задания и уходили. Некоторые возвращались уже после ужина. Мы тоже поужинали, а я так даже и побриться успел. Горячую воду в тазике принесли. Пользоваться такой бритвой я умел, похожая была, когда жил в Москве сорок седьмого, руку набил. Так что не оплошал с новым инструментом, трофей был отлично заточен. Как выяснилось, ни у кого из старших командиров не было ординарцев. Приказал выделить их всем из бойцов. В лагере было всего пятеро старших командиров, три капитана и два майора. Себя я тоже посчитал, соответственно, получил ординарца – сорокалетнего степенного мужчину с усами, как у Сталина. Именно он принёс мне от кухни ужин в моём котелке и горячую воду для бритья. Вот спальное место готовить не стал, ночевать в лагере я не собирался, но и боец стал собираться со мной. Куда я, туда и он.

До наступления ужина три роты ушло к складам, часть приняли пищу после возвращения, а тем, кто остался в охране, отнесли сухпайки. Кстати, приходили бойцы Зацепина, быстро поужинали горячим, получили полные мешки пайков и ушли обратно, перегруженные, как мулы. Ладно, хоть на сто двадцать бойцов несли пайков, часть старлей всё же оставил из озвученных мной специалистов. Пока не формируя сапёрную роту, я отправил девятую роту местного формирования к месту нового лагеря. Там был родник, то есть вода имелась, задача у командира роты – расчистить от кустарника большую площадку для лагеря. Устанавливать засеки и копать окопы будут позже. Пусть пока место подготавливает. На всю роту шанцевого инструмента не было, учебного материала едва на два взвода набиралось, но и этого хватит, свободных на переносе и чистке территории можно использовать.

Другая рота, десятая, сворачивала палатки и подготавливала лагерь к передислокации. Ну, а мы со Злобином и его штабными на бумагах писали новые штатные единицы подразделений. Я их уже перечислял, теперь командиры опрашивали бойцов по их гражданским специальностям, и мы по этим спискам и формировали подразделения. В общем, был поначалу сформирован штаб со всеми отделами. Начштаба я поставил Злобина, он эту лямку вполне потянет. Старшим по политработе – старшего политрука Боброва. Перед назначением намекнул, что с ним будет, если он на мою стезю полезет. Его задача –

мотивация людей, а командовать я сам буду. Вот пусть и занимается. Естественно, будь это кадровая часть, меня послали бы далеко и надолго, мол, так не делается, но эти бойцы и командиры безропотно выполняли все, что я приказывал, считая, что раз отдаю такие приказы, значит, так и надо. Да и то, что я обеспечил их пищей, показывало, что и на деле я неплохой командир.

Так вот, Злобину нужно было сформировать стрелковый батальон, штатные единицы его я описал. Роты не в сто пятьдесят человек, а в сто. Взводы по тридцать бойцов плюс отдельные подразделения в виде бронейщиков и один зенитный крупнокалиберный пулемёт. Это ещё я не считаю санинструктора и снайпера, положенных в роте по штату. Всего в батальоне должно было насчитываться пятьсот шестьдесят бойцов и командиров. Туда входили все. И противотанковая батарея, и зенитная, и другие тыловые подразделения батальона, включая штаб. Три роты, миномётная батарея, пулемётная рота. Всё по штатам сорок пятого года. Разве что пулемётную роту я раздул да разведвзвод приказал сформировать. Сейчас в штатном составе советских батальонов разведвзводов не было, только в полках, они позже появятся.

Командиром батальона я поставил капитана Ткачёва, он мне показался самым толковым, штаб батальона формировал Злобин. Командиров вот ставил я после собеседования. Капитан Горкин стал командиром техроты. Как оказалось, он был начальником ремонтной базы на гражданке, сейчас подчинённых набирал. Единицы, но они стекались к нему. Капитан Иванов был мной назначен командиром сапёрной роты, он имел инженерные знания. Сейчас эти подразделения формировались. Старшие лейтенанты Ермолаев и Усланбеков встали во главе пулемётных рот. Потом назначал командиров миномётных, артиллерийских и зенитных батарей, тасуя людей и личный состав. Командиром хозроты вообще младший лейтенант стал. Мужичу сорок лет, но я посчитал, что он будет на своём месте.

Частично лагерь уже начали переносить на новое место, на руках бойцы уже перекатили в новое расположение три полевые кухни, остальные готовили к передислокации, палатки уже все свёрнуты были, когда стали возвращаться первые ходоки к складам, их сразу направляли к кухням, повара ждали на ужин. Те, кто был на продовольственном складе, поужинали на месте, такое разрешение я им дал, но от горячего всё равно не отказались. Так вот, три роты побывали на четырёх складах. Первым был склад по стрелковому вооружению и боеприпасами, так что все три роты были вооружены и принесли с собой вооружения ещё на триста человек. Потом склад амуниции, соответственно, все

четыреста пятьдесят бойцов переоделись в форму, фуражку пока не пришивали, времени не было, но она у них была. Форму, сапоги, ремни, скатки, каски, котелки и сидоры они получили в полной мере. Даже часть принесли в лагерь, но на сто бойцов, не более. Нужно ещё несколько ходок сделать. И склад тяжёлого стрелкового вооружения, там же и миномёты были. В результате были принесены четыре ДШК на зенитных треногах, четыре батальонных миномёта, четыре «сорокапятки». Парни, что те мулы, всё несли на себе или катили на колёсах, например, пушки. Я сразу приказал передать по паре единиц тяжёлого вооружения в формирующиеся подразделения для изучения и освоения. До штата вооружением пополним позже. Пока пусть этот учебный материал изучают. На всех складах была оставлена охрана, а так только на складе тяжёлого вооружения была старая охрана, остальные действительно её покинули. Я даже удивился, что так рано. Конечно, командиры поругались со старой охраной, те пускать не хотели, но наши потрясли нарядами на получение и всё же смогли проникнуть на склад, ну и вынесли всё, что нужно. Даже продовольствие подкинули с другого склада, а то местные тоже на голодном пайке сидели.

Теперь мы формировали небольшие группы, которые направят к остальным складам для охраны, где мы ещё не бывали.

В общем, подразделения формировались, усиленные посты охраняли территорию обоих лагерей. Шла передислокация, роты снова ушли к складам, а я, убедившись, что дело идёт, Злобин с подчинёнными вполне справляются, сообщил, что отправляюсь на боевую операцию, к месту засады. Приказ командира закон, тут это понимали, так что, забрав пять посыльных из роты связи и своего ординарца, я направился в сторону месторасположения роты Зацепина. Кстати, из той формы, что принесли со складов, Злобин сразу одел штабных бойцов. Все посыльные со мной ходили в форме, с фуражкой, всё как положено, даже мой ординарец щеголял в новенькой, ещё не обмявшейся форме с карабином за спиной. У посыльных тоже были карабины.

Покинув лагерь, я повёл бойцов за собой, дороги они не знали. Надеюсь, успеем. Пришлось задержаться в штабе, много работы было, которую следовало выполнить, однако теперь я свободен, и можно выходить на дело. Искоса посмотрев на политрука, что шёл слева от меня, я только вздохнул. Этот политрабочник был мной назначен на батальон, но решил сходить со мной, вызвался добровольцем. Причин отказать я не видел, поэтому нехотя дал согласие. Надеюсь, проблем от него не будет, а если он решил побывать в

настоящем бою, что ж, это его решение.

Дошли мы нормально, без приключений. Одного посыльного я сразу отправил обратно, дорогу он запомнил. Думаю, к моменту его возвращения уже стемнеет, да и часть передислоцируется на новое место. Сейчас Злобин должен окружить новое расположение часовыми и секретами. Так же и у складов. Пока на этом всё. Полученное мной подразделение не обучено и нормально не сформировано, вот и будут завтра с утра продолжать пополнять подразделения бойцами, командирами и вооружением. А также составлять планы изучения нового, пока не известного вооружения, и тренировок на совместную работу. Это и в бою можно освоить, а вот оружие изучить нужно хорошо. Тренировать стрельбу тоже придётся в бою, тут другого выхода не было.

Как я уже сказал, дошли нормально. Нас на подходе окликнул часовой, опознались, и разводящий привёл в расположение роты. Отправив одного посыльного обратно, я приказал Зацепину докладывать по ситуации на дороге:

– Сначала наши отходили, было много санитарных машин, там дальше с воздуха немцы расстреляли санитарную колонну.

– Вмешивались?

– Они не одни шли, раненых собрали, а убитых сложили на обочине, хоронить было некому. Мы своё положение не выдавали.

– Дальше.

– Час назад пролетело несколько всадников. Наши кавалеристы. После этого тишина, полчаса дорога пуста была. Потом немцы показались. Шесть мотоциклов с колясками и пулемётами. Проехали в одну сторону, но не возвращались. Больше никого не было. Ждём. Бойцы отдыхают, наблюдатели бдят. Поднять роту и занять позиции – минутное дело. Окопы подготовлены, пулемётчики разметили сектора стрельбы. Позиция отличная для засады.

– Это да, – согласился я и, посмотрев на заходящее солнце, сказал: – Прикажете роте отдыхать, усильте посты охранения. Немцев сегодня не будет. Не успели

они. А вот завтра с утра фрицев тут будет много.

– А почему фрицев, товарищ майор?

– В Испании у нас был случай, окружили роту противника, те сдались. Начали допрашивать, оказались немецкие добровольцы, и через второго – Фриц. С тех пор и повелось, где немец, там Фриц.

– Хорошо, товарищ майор, сейчас отдам распоряжения, и осмотрим позиции.

Подозвав второго посыльного, я быстро написал записку и передал ему с наказом вручить Злобину. Ничего особенного там не было. Просил выделить шесть бойцов с ручными пулемётами и запасом патронов, а также выделить одну из двух зенитных батарей. Обе уже были сформированы и получили по два ДШК, вот их я завтра и хотел использовать. В начале войны танки в основной своей массе у немцев лёгкие, и такая крупнокалиберная пуля бьёт их навывлет. Шанс такой упускать нельзя. Подумав, я дописал, чтобы обе батареи прислали. Уж получать опыт в практической стрельбе так получать. Посыльный убежал, начало темнеть, но я надеялся, что он найдёт лагерь, мне специально отобрали бойцов, умеющих ходить по лесу. Насчёт ночных прогулок не скажу, но бежал тот уверенно.

После этого я минут пятнадцать в сопровождении Зацепина и его взводных ходил по позициям, изучал их. Остался доволен, хотя и нашёл несколько недостатков, велел поправить маскировку и вырыть три дополнительных ячейки. После этого разметил позиции для крупнокалиберных пулемётов и для ручников. Один взвод был поднят и начал готовить новые позиции. Среди вооружения нашлись на ремнях погибших и малые пехотные лопатки, так что чем копать, в роте имелось. За пару часов позиции приготовят, а завтра встретим супостата со всей пролетарской яростью.

Когда стемнело, я подозвал красноармейца Бабочкина – несмотря на отданный приказ отбоя для двух других взводов, тот не спал – и сообщил бойцу, что ему выпала честь стать заряжающим, велел ему лезть за мной следом в танк. Политрук мне не мешал, хотя и ходил хвостиком, изучая все мои приказы и слушая, о чём говорят бойцы. Сам провёл небольшую политинформацию. Бойцы устали, поэтому и небольшую. Даже сейчас, когда я учил Бабочкина закидывать небольшие снарядики в патронник, показывая, где бронебойные, а где

осколочные, он сверху заглядывал к нам в открытый люк. Благодаря освещению в боевом отсеке, работающему от аккумулятора, наблюдал за всеми нашими действиями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/poselyagin_vladimir/ya-tankist

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)